

ГАЛИНА РОМАНОВА

АМУР С ОПТИЧЕСКОЙ ВИНТОВКОЙ

Галина Владимировна Романова

Амур с оптической винтовкой

Серия «Детективная мелодрама»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18147122

Амур с оптической винтовкой : [роман] / Галина Ро-манова: Э; Москва;

2016

ISBN 978-5-699-87373-9

Аннотация

Диана и Роман жили в одном доме, сидели за одной партой, дружили, вместе занимались спортом. Внезапно отец Романа, известный в городе бизнесмен, исчез – просто ушел на работу и не вернулся... После этого жизнь подростков изменилась: Рома бросил школу и спорт, перестал общаться с Дианой, лишь наблюдая за ней из окна. Вскоре сестру Дианы посадили в тюрьму, а мать строго-настрога запретила девушке даже смотреть в сторону Романа. Но ведь сердцу не прикажешь... Когда Роману понадобилась помощь в подтверждении алиби на момент смерти матери, Диана, не задумываясь, подтвердила его. Однако серьезные игры взрослых людей готовили отнюдь не хеппи-энд для молодой пары!..

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с

этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	61
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Галина Романова

Амур с оптической

ВИНТОВКОЙ

© Романова Г. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Двор дома, в котором она жила с детства, был непригляден даже в яркий солнечный полдень. Серая бетонная четырехподъездная многоэтажка. Нелепые клумбы с чахлыми цветами между подъездами. По скамейке у старого шербатого бордюрного камня, венчающего нелепые клумбы. Две детские песочницы, в которые давно справляли нужду все дворовые коты. Некое подобие турника, давно позабытого местными спортсменами и облюбованного тетками с первых этажей, цепляющих за него и ближайшие стволы деревьев бельевые веревки. Между песочницами – единственный на весь двор дощатый стол, обитый куском затертого до дыр линолеума. По бокам стола – две скамьи.

В зависимости от того, кто раньше поспел, на скамейку усаживались либо шахматисты, либо картежники, либо гопники со всего микрорайона. Шахматисты сидели тихо, чинно. Расставаясь, пожимали друг другу руки. Картежники шумели, ржали, как ненормальные, пили пиво, оставляли пустые пакеты из-под рыбы и чипсов. Рук при расставании не жали, все больше матерились. Гопники принимались материться сразу, не дожидаясь конца посиделок. Бренчали гитарой, ноя про несчастную любовь и, конечно же, неверность, обещали в песнях скорую расправу неверным любимым. Пить начинали серьезно и почти сразу. Потом дрались.

О головы разбивались бутылки, гитары. Несколько раз на ее памяти в ход пускали нож. Правда, все больше для устрашения. Серьезно никто не пострадал. Ее приятель Ромка – тоже. Он вообще считался молодцом. Ею считался. Он всегда умел отскочить. Всегда ходил по самому краю, но ни разу не свалился.

Наверное, причиной тому, что Ромка до сих пор не сел и не умер от чьей-то руки, было воспитание, данное родителями с раннего детства. Когда Ромкина семья поселилась в их проклятом доме, их сразу окрестили «интеллигентами». Прозвище, к слову, не очень почетное на этой улице. Интеллигенты не так жили, не так проводили выходные, не так воспитывали ребенка, заставляя его таскаться в спортивные секции и к репетиторам.

– В школе надо учиться! – презрительно фыркала ее мать, провожая взглядом из окна Ромкину стройную широкоплечую фигурку. – Не сидеть, раззявив рот, а учителя слушать. Тогда и репетиторы не понадобятся. Блажь какая – деньгами сорить! В школе надо учителя слушать внимательно. Правильно, дочка?..

Она послушно кивала, хотя протестные настроения уже зрели в ее неокрепшей подростковой душе. И она втихаря улыбалась Ромке, если встречалась с ним у подъезда, во дворе или в школе на перемене. Ромка учился в параллельном классе с углубленным изучением физики и иностранного языка. И это ее немного интриговало. И еще интриговали

его занятия фехтованием и борьбой. Отчаянно хотелось посмотреть, как он это делает. И она ему улыбалась и кивала при встречах.

Но она все равно послушно соглашалась и матери не перечила. Если та считает, что репетиторы – это блажь, значит, так оно и есть.

Вдруг прошел слух, что Ромкина семья скоро съедет. Что его отец, чем-то там промышляющий, строит где-то для них огромный дом. И весь двор замер, ожидая, когда же это семейство съедет.

А потом вдруг все стремительно поменялось в Ромкиной жизни и «интеллигентском» статусе их семьи. Куда-то подевался его отец. А мать, недолго думая, принялась пить. Репетиторов стало оплачивать некому. Секции – тоже платные – пришлось оставить. И из класса с углубленным изучением физики и иностранного Ромка перевелся в их – обычный. И сразу, по умолчанию, занял место рядом с ней. Даже не спросив для порядка, не против ли она. Она, конечно же, была не против. Сколько себя помнила, сидела одна, потому что считалась окружающими странной и замкнутой особой. Но спросить-то он мог? Не спросил. Как и потом ни разу не спросил, чего конкретно хочется именно ей.

- Завтра идем в спортзал, – говорил он после уроков.
- Зачем? Что за спортзал?
- Тренер знакомый позвал, тренирует своих ребят.
- Чему тренирует?

– Там... – Он поднимал глаза к небу. – Всякие боевые искусства. Смешанные, короче. Нужно дело. Главное, бес-
платное.

– А-а-а, понятно. И мне это нужно?

– Конечно! – фыркнул Ромка, молотя ее сильной ладонью по худенькой спине. – Всегда пригодится!

Она, убей, не понимала, зачем ей смешанные боевые искусства, но не спорила с Ромкой. Он за тринадцать прожитых ею лет был единственным ее другом. Она с ним соглашалась. И тут же лихорадочно принималась сочинять собственную историю для матери, объясняющую ее занятость после уроков. Выходило складно. Мать верила.

Потом к боевым искусствам добавился тир, где у нее отчаянно слезились глаза от пороховой вони и закладывало уши от грохота, потому что тир был какой-то странный. Не такой, где стреляли из «мелкашек». И дарили плюшевые игрушки за меткий выстрел. А самый настоящий боевой полигон, с настоящими пистолетами и даже автоматами. И мишени двигались, предлагая взглянуть, куда именно ты попал.

Ей всегда было жутко наблюдать, как движется к ней щит с нарисованным человеческим силуэтом, в который она метко вбивала пулю за пулей. Она ежилась и отворачивалась от картонного силуэта с пробитой головой и областью сердца и совсем не понимала ободрительных возгласов солидных плечистых мужиков.

– У тебя большое будущее, детка, – сказал ей как-то один

из них – мужчина с седой головой и широким шрамом на левом плече и, обращаясь к Ромке, проговорил: – Береги ее, сынок...

И сынок принялся ее беречь! И по ее представлениям, сильно перестарался, потому что, когда она однажды прижалась к нему всем телом и полезла целоваться, он рассмеялся и оттолкнул ее.

– Маленькая ты еще! – фыркнул он тогда и почему-то ушел.

А она была вовсе не маленькой. Ей уже шел семнадцатый год. И ей казалось, что она Ромке очень нравится. А он взял и ушел. А потом и вовсе влетел.

Это мать так сказала, когда Ромка вдруг пропал со двора, перестал ходить в школу и не отвечал на звонки.

– Ромео своего высматриваешь? – оскалилась старшая сестрица Настя, пару дней наблюдавшая за ее силуэтом в кухонном окне.

– Отстань! – огрызнулась она и прижалась лбом к холодному стеклу. – Просто смотрю.

– Ну-ну... Смотри... Пока глаза не лопнут...

Настя взяла из вазы огромное яблоко с бабкиной яблони и ушла в свою комнату. А мать, скорбно поджав губы, несколько минут рассматривала младшую дочь, а потом сказала:

– Нет его, дочка. Влетел он.

– Куда влетел? – не поняла она ни черта.

– Не куда, а за что! – Мать нервно поморщилась. – Ох, чуяло мое сердце, что не так просты эти «интеллигенты»! Ох, чуяло с первого дня!

– Мам, ты можешь говорить внятно? – Она позволила себе непозволительную грубость. – Что случилось?!

– Ромку твоего взяли с друзьями на точке с наркотиками, – методично, как учитель географии, начала рассказывать мать. – То ли сам употреблял, то ли паковал, то ли к продаже готовил. Не знаю. Но сидит твой Ромка. – И повторила снова: – Влетел он!

Она тогда очень переживала за него. И даже плакала ночами, вспоминая, каким он был добрым с ней, смелым и... красивым. Она больше не знала ни одного парня с такими крепкими руками, широкими плечами, непослушными волосами, насмешливым ртом и добрыми-предобрыми черными глазищами. Ни одного!

– Влепят ему теперь по полной, – ядовито ухмылялась потом целую неделю ее старшая сестра Настя, это когда Ромка находился под следствием, взаперти. – Выйдет беззубым старичком...

Влепили неожиданно ее сестрице! Десять лет общего режима! За что и почему, она так и не узнала. Мать на все лето отправила ее к бабке в глухую деревню, где даже мобильник не ловил. И по возвращении отказалась отвечать на вопросы.

– Не твое дело! Школу заканчивай да поступи уже куда-нибудь! – рычала мать, отворачиваясь от нее и от соседей,

когда проходила по двору. И тут же добавляла: – И не дай бог, увижу тебя с этим «интеллигентом»! Не дай бог!!!

Так она догадалась, что Рому выпустили. И тайком от матери сходила к нему домой, в соседний подъезд на третий этаж, потому что очень соскучилась, потому что была очень рада его освобождению, потому что хотела сказать, что набрала в школьной библиотеке учебников и для него тоже.

Но Ромка неожиданно повел себя очень странно. Он уперся кулаком ей в грудь, когда она хотела повиснуть у него на шее, и буркнул:

– Держись от меня подальше, поняла!

– Ром, ты чего?! – Она чуть не заревела от обиды. – Это же я! Я!

– Вот именно! – Его губы плотно сжались, минуту он ее рассматривал, а потом проговорил со вздохом: – Загорела... Красивая... Вали отсюда!..

Все, больше они не общались. В школу он не вернулся. Поговаривали, что перешел в вечернюю. Учебники ей пришлось сдать обратно в школьную библиотеку. Снова пришлось одной ходить в школу и из школы, снова одной сидеть за партой. Она по-прежнему считалась странной и неконтактной.

А Ромка без особых проблем влился в компанию гопников, орущих песни про несчастную любовь под их окнами. Время от времени дрался, время от времени сам получал. И на нее, что особенно было больно, не смотрел вовсе.

Прошла осень, потом зима. Еще осенью она поступила на подготовительные курсы в местный университет, успешно училась, готовилась к олимпиаде по физике. Из окна наблюдала за активной Ромкиной жизнью в компании районных гопников. Настырно кивала ему издали, если он вдруг случайно посмотрел в ее сторону. И переживала, если он делал вид, что не замечает ее.

Мать ее тоже почти не замечала. Общались только по необходимости. Ей иногда казалось, что матери было бы намного легче, если бы в тюрьме оказалась она вместо Насти. И соседи Настю любили, а ей шипели что-то неприятное в спину, когда она, коротко им кивнув, проходила мимо.

Однажды она расслышала, как одна из них сказала:

– Вот ведь противная девка! Вроде ничего и не сделала такого, а вот несет от нее злобой какой-то! Противная...

– Не противная, – возразил кто-то. – Опасная...

И дома, встав перед зеркалом, она долго пыталась понять, что же такого в ней окружающие видят опасного, чего не видит она?

Высокая, худенькая, с аккуратными ступнями и руками, аккуратной скромной прической – высокий хвост на самой макушке. Добродушное губастое лицо без хищного алчного взгляда. Глаза голубые, взгляд открытый, нос самый обычный с легкой горбинкой. В чем опасность-то?! В том, что она умеет тремя выстрелами снять сразу трех противников за несколько секунд? Или против двух сильных мужиков

может выстоять в рукопашном бою? Так об этом мало кому известно. Ромке только. Да еще инструкторам. Так забыли они о ней давно, она уже год не посещала ни секцию, ни тир.

Она сочла все это соседскими придирками, оделась и тут же позабыла. На носу были олимпиада по физике и экзамены...

Глава 2

Шел дождь. Вторые сутки мощные потоки воды топили в грязи пробивающиеся ростки скучных цветов в клумбах. Загаженный бродячими котами песок расползлся сквозь широкие щели старых детских песочниц. Дворовые скамейки набухли, сделались черными, как...

Как гробовая доска.

Почему-то ему гробовая доска виделась именно такой – разбухшей, черной, воняющей прелыми листьями и свежей вскопанной землей.

– Мы с тобой, Ромео, теперь повязаны до самой гробовой доски, – вспомнил он тут же опасный шепот своего старшего товарища. – И ты мне должен...

Он всем и всегда оказывался должен, черт бы всех побрал!!!

Сначала должен был своим родителям соответствовать какому-то надуманному статусу и таскаться по секциям и репетиторам. И если первое ему нравилось, то со вторым он едва мирился.

Потом, когда отец исчез из их жизни, он стал должен своей матери. Должен стал ее поддерживать, оберегать. Хотя понятия не имел, как можно поддержать сползающую на самое дно жизни алкоголичку! Он пытался бороться с ее недугом, но тщетно. Мать губила себя в алкоголе и, кажется, делала

это намеренно.

Потом стал должен этому чертову старшему товарищу, от звука голоса которого он всякий раз просыпался с криком, если тот ему вдруг снился.

И ведь, что характерно, он сам был в этом виноват! Сам!!! Как-то так вышло, что он сам обратился к этому гаду за помощью. Принял за чистую монету его пронизательный взгляд, добродушный смех, желание помочь. А потом...

А потом превратился в его раба! Послушного, беспрекословно подчиняющегося, безвольного. А следом превратился и...

Рома крепко сжал подоконник сильными пальцами. Мышцы на животе и плечах напряглись.

Как так вышло, а? Как так получилось, что он стал тем, кем стал?! Как так получилось, что он потерял тех, кем дорожил?! Круг его друзей редел день ото дня, остался один человеческий мусор.

И Диана... Он никогда не простит себе, что потерял ее...

Дверь соседнего подъезда распахнулась. Под козырек, словно по зову его мыслей, вышла она – Дианка. Высокая стройная фигурка замотана в нелепый серый плащ, на голове такая же серая косынка, ниже плаща темные джинсы, на ногах грубые черные кроссовки. В руках дерматиновая сумка.

Будь его воля, он никогда не позволил бы ей надевать подобные вещи. И сумки такие в руки брать. Она создана для других вещей. Для другой жизни. И... для других людей.

Тебе не было теперь места с ней рядом, забыл? И воли твоей теперь не было. Воли, распространяющейся на нее. Ты ее потерял. Навсегда.

Дианка нахлобучила поверх косынки капюшон, но, прежде чем шагнуть под дождь, подняла взгляд на его окна. Она всегда так делала. Заученно, машинально. Он знал. И ему пришлось резко податься назад, чтобы она не видела, как он смотрит на нее.

Как именно он смотрит на нее!!!

Поймай она его взгляд, который непременно рассмотрела бы – у нее было невероятно острое зрение, она бы все поняла. Она бы поняла, что он тоскует по ней. И, может, поняла бы, что он страшно жалеет о том дне, когда оттолкнул ее от себя и назвал маленькой.

Как она доверительно жалась к нему тогда! Как тянулись ее губы к его губам! Он чувствовал своим телом всю ее – горячую, жадную, не знающую, что будет дальше. Он знал, поэтому оттолкнул. Не мог же он взять эту неумеху прямо на лестничной клетке! Стащить до коленей ее джинсы, задрать кофточку и под стон старого лифта взять ее в пыльном заплеванном подъезде.

Это не для нее, это не для ее жизни. Она у нее должна быть другой. Красивой и удачливой. Без грязи и пошлости.

– Не нужна она тебе, сынок, – раздалось неожиданно со спины.

Рома обернулся. Мать, сильно постаревшая сразу по-

сле исчезновения отца и превратившаяся в развалину после нескольких запойных лет, стояла, согнувшись, в кухне и смотрела через его плечо в окно на удаляющуюся под дождем Диану. Светлые волосы, поредевшие и немые, были скомканы на затылке в какой-то лохматый пук и затянуты резинкой. Халат до коленей, старый, почти истлевший, хорошо что чистый. Стоптанные тапки.

– Зачем ты встала? – спросил он, отворачиваясь. – Ты же больна.

Последний месяц у нее сильно скакало давление.

– Больна, – подтвердила мать. – Но если я стану лежать, моя болезнь не пройдет.

– Водки не будет! – жестко отрезал Рома.

– А и не надо. – Мать прошаркала подошвами стоптанных тапок до подоконника, выглянула на улицу, вздохнула: – Какая мерзость на улице... И в душе... А в твоей душе, Ромео, как?

Он промолчал, хотя и был сильно удивлен ее вопросу. Последние несколько лет – а с исчезновения отца прошло пять лет – она его, казалось, вообще не замечала. Упивалась горем и водкой. А тут вторую неделю не пьет. В квартире навела порядок. Вопросы задает. Странно. Не помирать ли собралась?

Он представил мать под разбухшей черной гробовой доской и передернулся. Как ни надоели ему ее запои, смерти он ей не желал. Она, по сути, осталась единственным челове-

ком, с кем ему не нужно было притворяться. И она не могла его предать. Никогда! В этом он был уверен.

– Плохо тебе, сынок, да? – Мать присела к столу, погладила старый пластик. – Я вижу, что плохо. Только не очень понимаю, почему? Есть подозрения, но...

– Но что?

Рома со вздохом сел напротив матери. Дианка исчезла за углом дома, можно было в окно больше не таращиться.

– Но ты ведь не расскажешь мне, нет?

Поблекшие глаза матери глянули на него неожиданно остро и требовательно. Он уже и не помнил, когда она так на него смотрела. В классе пятом, может быть. Когда еще отец был с ними.

– Не расскажешь... – Ее сморщенные ладони снова погладили по столу. Голова слегка качнулась. – Я очень виновата перед тобой, сынок. Очень!

– Мам, не начинай. – Он сморщился.

Подобных разговоров ему и с ее пьяных глаз было предостаточно.

– погоди, не перебивай. – Грудь матери судорожно колыхнулась, раздался странный всхлип. – Знаю, что я долго пила, долго ныла. Помощи никакой. И ты... Ты совершил большую ошибку. И в этой твоей ошибке виновата я...

Роман почувствовал, как бледнеет.

– Я виновата, Рома. Только я. И не смей никогда винить себя в том, что случилось, – почти шепотом закончила мать,

и снова странный клеткот разбавил ее голос.

– Откуда ты...

Его бледность стала почти болезненной. Кажется, даже щеки заломило. И не стало хватать воздуха, чтобы дышать. Стены кухни сдвинулись, сомкнулись над его головой. Не зареветь бы, вот что! Он же не слюняй! Он же мужик! Сильный, пусть и не вполне независимый.

– Откуда ты знаешь про мои проблемы, про мои ошибки, мам? Откуда ты можешь знать? – сдавленным голосом спросил Рома.

– Я пила эти пять лет, но не была безумной, сынок. – Бесцветные губы матери скривились. – Когда тебя взяли на точку будто бы с наркотиками, я сразу поняла, что это.

– И что?

– Из тебя сделали подсадного! Из тебя сделали... суку! – выдохнула она с благоговейным ужасом. – Если бы был жив отец...

– Жив?! А он что?! Умер?! Не сбежал – умер?!

Из всего, что она сказала, он услышал только это. И это его придавило, прибило! Больше, чем то, что она, оказывается, все, все, все про него знает. И даже, кажется, осуждает. Впрочем, как и сам он себя.

Отец – что? Умер?! Господи! Он столько лет надеялся, он столько лет ждал! Первый год вскакивал с постели, когда глубокой ночью гроыхала подъездная дверь, скрипел поднимающийся лифт, слышалось осторожное шарканье чьих-

то подошв по бетонным ступенькам подъезда. Он вскакивал и, замерев, стоял, приложив ухо к входной двери. И слушал. И надеялся. И закрывал глаза, моля бога, чтобы сейчас, ну вот сейчас, в дверной замок вошел ключ и дважды про-вернулся. И отец вошел, и...

И тогда все было бы по-другому.

А он что – умер???. Она знала все эти годы и не сказала ему???

Он же не знал. Он же потом начал ненавидеть его! Своего отца! Ненавидеть за предательство, за подлость, за бегство, за трусость. За то, что он сделал с матерью. С ним...

– Он умер?! Мам?! Говори!

Он с такой силой хватал ртом и толкал из груди воздух, что колыхались листочки отрывного календаря, висевшего над обеденным столом. Календарь был старым. Ему было пять лет. Отец любил отрывать за завтраком странички и зачитывать им дурацкие приметы и рецепты. И смеялся при этом звонко и заразительно. И находил это забавным. И находил забавными тех людей, которые следуют этим приметам и используют календарные рецепты.

После его исчезновения никто этих страниц больше не трогал. И со стены календарь не снимался. И ежедневно на них тарашилось с пожелтевшего маленького прямоугольника тринадцатое число августа месяца пятилетней давности. И ежедневно приходилось рассматривать замахрившиеся ребра оставшихся страниц. Страниц, не оторванных ру-

кой отца.

– Отца давно нет, сынок, – произнесла через силу мать и прикрыла дрожавшими пальцами правой руки глаза. А левой ткнула в численник. – Нет с тринадцатого августа.

– А где он?! Почему?! Почему так все скотски?! Мы его не хоронили!!! Я тебе не верю!!!

Рома вскочил с табуретки и заходил по тесной кухне. Три шага до окна, три обратно, до двери. Три шага до окна...

Там снова Дианка! Чего вот она сегодня душу ему рвет?! Стоит под дождем, стащив капюшон серого плаща и сняв козынку. И смотрит на его кухонное окно. И острые струи дождя бьют ее по голове, по лицу, делая больно. Ей же наверняка больно!

И он не выдержал.

– Я сейчас! – крикнул он матери, так и сидевшей с прикрытыми рукой глазами.

Выскочил за дверь, едва всунув ноги в стоптанные летние туфли. Сбежал с третьего этажа в две минуты. Лифта ждать не стал. Пока этот старый пенал со скрипом спустится, пока, лязгая всеми механизмами, распахнет свои обшарпанные двери, он уже будет на улице.

– Ты чего тут?! – заорал он на девушку, дергая ее за руку и втаскивая из-под дождя к себе в подъезд. – Ты чего мокнешь, дура, что ли?!

– Рома... – шепнула Диана посиневшими от холода губами, ее мокрые ресницы заметались. – Здравствуй, Рома.

– Привет, – буркнул он и на всякий случай отошел от нее на два шага. Оглядел всю: от мокрых спутанных волос до промокших насквозь грубых кроссовок. И снова буркнул: – Промокла вся, как курица. Посмотри, на кого похожа!

А она, вместо того чтобы обидеться, чтобы наговорить ему гадостей, оттолкнуть, убежать, просто послать его – идиота – куда подальше, едва заметно шевельнула губами, пытаясь улыбнуться. И проговорила:

– Я так рада тебя видеть, Рома.

– Рада она! – фыркнул он.

И снова перехватило в груди от недостатка кислорода, и теперь уже подъездные стены начали смыкаться над головой, заключая его в страшный бетонный куб, напоминающий тюремную камеру, в которой ему было жутко. Камера все время казалась ему кубическим безвоздушным пространством.

– Рада, – кивнула она. И улыбнулась чуть убедительнее. – Я так скучала!

– Скучала она! – возмутился он. – Я же сказал тебе: держись от меня подальше! Чего ты вот...

– Это не я. Ты сам, – возразила Диана, тараша на него свои неподражаемо голубые глазищи. – Ты сам вышел... Ко мне...

– А чего мокнешь, как дура?

Он убрал руки за спину, с силой сжал кулаки, уставился на нее злым, исподлобья взглядом. Он изо всех сил старался, чтобы взгляд был именно злым, почти ненавидящим.

Он старался.

Но он не мог ненавидеть все то, что видел, не мог, не мог! Черт!!! Как же тяжело быть беспристрастным! Где же этому учат, черт?! Где учат ледяным взглядам, спокойному биению сердца, волевому равнодушному дыханию?!

– Я не дура, Ром. Я просто... – Ее нижняя губа предательски задрожала, и Дианка прижала ее верхними зубами на мгновение.

– Просто что? – Кулаки, от того, с какой силой, он их сжимал, онемели.

– Я просто люблю тебя... кажется, – едва слышно пискнула она и заплакала, опустив голову.

– Кажется ей!

Он так плотно стиснул зубы, что воздух сквозь них снова перестал попадать в легкие. И там так жгло в груди. Так нещадно жгло!

– Нет, не кажется. – Диана горестно всхлипнула, вскинула голову, глянула на него самыми распрекрасными на свете голубыми глазищами, в которых замерли слезы. – Я люблю тебя, Рома. Очень люблю! Не могу без тебя просто. Даже дышать не могу!

– Дура... – простонал Рома, на мгновение зажмуриваясь. – Какая же ты дура, Дианка!

Пальцы разжались. Он шагнул вперед, протянул к ней руки, погладил ее по плечам, затянутым в шуршащий серый плащ, насквозь промокший от дождя. Вцепился в них. И по-

чувствовал, что она дрожит. Замерзла? Дотянулся подбородком до ее головы, потерялся о мокрые спутавшиеся волосы. И снова зажмурился. И снова шепнул:

– Какая же ты дура, Дианка. Господи, какая же ты дура!

– Почему?

Она стояла и не шевелилась. Боялась намочить его яркую рубашку с оторванной пуговичкой у воротника или спугнуть. Боялась, что он снова оттолкнет ее и обзовет маленькой.

– Нам же нельзя... Нельзя быть вместе. – Он прижался щекой к ее виску, обхватил пальцами ее затылок. – Нам нельзя...

– Можно.

Диана запрокинула голову, нашла его губы своими и очень осторожно прижалась.

– Даже целоваться ты не умеешь, дурочка. – Он тихо рассмеялся. – Маленькая... Какая же ты маленькая еще!

– Нет!

Она так испугалась, что он снова ее оттолкнет, снова исчезнет и она снова будет месяцами ловить силуэт в его кухонном окне или выглядывать сквозь свое окно на улице в дурной компании. Забыла, что в промокнушем плаще. Забыла, что их могут увидеть и доложить матери, а она запрещала...

– Нет! – Диана крепко обвила его руками, прижала голову к его груди, в которой сильно бухало. – Нет! Не уходи!

Прошу! Я не могу! Я не могу без тебя! Мне плохо, Рома! Мне больно! Мне ничего не нужно без тебя, Рома! Ничего...

– Мне тоже.

Он взял ее лицо в ладони и поцеловал. Умело, по-мужски, ломая сопротивление ее неопытных губ, разжимая ее зубы, требуя ответа. А потом оттолкнул. И долго рассматривал в упор ее смятение, застывшее на выдохе.

– Я... Я не маленькая, – дребезжащим голосом произнесла Диана, совсем не так все поняв. – Я просто... Просто целоваться не умею. Не бросай меня, Ром, а?

Он отвернулся. Отвернулся, чтобы устоять. Чтобы не схватить ее за руку и не втащить к себе на третий этаж и там, закрывшись в собственной спальне, делать с ней все, что хотелось.

– Уходи, – буркнул он, начав подниматься по ступенькам.

– Рома! – ударил ему в спину отчаянный крик. – Пожалуйста! Я научусь! Научусь целоваться! Честно, честно.

– Вот дура, а! – Он тихо рассмеялся, оглядываясь и повисая на перилах. – Научится она! Я тебе научусь! Иди домой, Дианка. Пока иди домой.

– Ты меня не бросаешь, нет?

Она топталась возле подъездной двери, не замечая, как отвратительно чавкает вода в старых худых кроссовках. Серый вымокший плащ, перетянутый в талии, стоял колом. Под подмышкой зажата большая дерматиновая сумка. Мокрые волосы сбились комком на воротнике. Веки припухли

от слез. Губы...

Она была смешной, нелепой и самой прекрасной для него. Она была его женщиной. Женщиной, которую он выбрал.

– Я сам научу тебя всему, Дианка, – проговорил Рома, не сводя глаз с ее рта. – Сам. Только я. Сбереги себя, хорошо?

– Да. – Она закивала часто-часто. – Да... Да, Рома. Так ты меня не бросаешь? Нет?!

– Нет, – сказал он и пошел наверх, уже не оборачиваясь. А про себя добавил: нельзя бросить того, кем не обладаешь. Нельзя! И сразу сделалось тошно.

И мать еще тревоги добавила. Когда он вернулся, она говорила с кем-то по телефону, что само по себе было поразительным. Он больше года не видел ее с трубкой. С бутылкой – да. С телефонной трубкой – нет. А тут заперлась у себя в комнате и с кем-то говорит. И голос непривычно резкий. Она давно так не говорила. Обычно, разбавленные алкоголем, слова у нее выходили длинными, с затянутыми гласными.

Он встал под дверью ее спальни и прислушался. И подумал, что, не дай бог, она знакомых таксистов просит водки ей привезти.

– Я слушаю, слушаю! И не перебиваю! – громко произнесла мать, когда его ухо прижалось к ее двери. Помолчала. А потом со злостью воскликнула: – Да что ты?! И не знаешь?! Хочешь, я тебе скажу?!

Снова тишина, нарушаемая скрипом старого деревянного кресла, стоящего в углу в ее комнате. Кресло было раритетным, доставшимся отцу от деда. Стояло в их комнате музейным экспонатом. Мать на нем, на памяти Романа, не сидела ни разу. Утверждала, что сидение на нем напоминает пытку. Чего сейчас уселась? И с кем говорит? И телефон-то, телефон откуда?! Она свой год назад пропила за семьсот рублей. Так ему сказала. Может, просто потеряла?

– Не смей, сволочь!!!

Рома вздрогнул от резкого материнского крика после тишины, разбавляемой лишь скрипом старого деревянного кресла.

– Не смей втягивать его в свои грязные дела!!! Не смей, или я... – Она замолчала, видимо, ее перебили. И потом вдруг: – Я знаю, гад, под каким могильным камнем ты его спрятал. Сказать адрес безымянной могилы?..

Глава 3

– По статистике, дорогой, вы самые неустроенные в семейном плане люди, – проговорила Наталья, сбрасывая с кровати длинные ноги и поднимаясь чрезвычайно грациозно.

Спинка прогнута, попка зазывно оттопырена. Наверняка репетировала подобный подъем не единожды. Наверняка знала, как он отреагирует. Он и отреагировал. Тут же поймал ее за коленку, дернул на себя и снова заставил улечься на соседнюю подушку. И не выпускал потом из кровати полчаса. Выдохся и тут же задремал. И, как следствие, проспал запланированную с Лешкой рыбалку. И Наталья, как и хотела, получила его к завтраку, над которым долго трудилась.

Молодец! Все продумала! Хитрая. И главное, упрекнуть ведь не в чем. Он сам ее схватил, сам проспал. Самому теперь и перед Лешкой извиняться. Его пропущенных вызовов Артем насчитал с десятков. И одно пропущенное сообщение, в котором друг утверждал, что их дружбе на этом конец, что его закадычный друг Артем последний скот и что променял его на...

Дальше было не очень прилично, и Артем поспешил сообщение удалить. Если Наталья, не дай бог, прочтет, она из кожи вылезет вон, но на самом деле их дружбу похоронит, тщательно все продумав и обустроив все так, что упрекнуть ее

будет не в чем.

– Доброе утро, – проговорил он неуверенно и окинул взглядом стол. – Ничего себе! Гостей ждем?

– Нет. Все для тебя, дорогой. – Девушка, на которой он уже полгода собирался жениться, но всякий раз почему-то откладывал, лучезарно улыбнулась. – Прошу к столу.

Каша, омлет, блинчики, сок в графине, кофе в кофейнике, еще творожный крем, взбитый с замороженной черной смородиной, сметана. Все это еле уместилось на его обеденном столе. Артем со вздохом оседлал стул. И тут же вспомнил свои прежние холостяцкие завтраки с Лехой в «стекляшке», через дорогу от отдела.

Что они там обычно ели? Что придется? Правильно! То глазунью с желтком, подернувшимся окаменевшей сморщенной пленкой. То манную кашу с комками и запахом пригоревшего молока. То пончики или беляши, плоские и жесткие, как подошва. Оладьи тоже там случались со сметанной каплей вприкуску. Все стоило гроши. Съедалось залпом. И даже казалось сносным.

Потом там все поменялось. Поменялся персонал, поменялись завтраки и поменялись цены на них. Старые пластиковые столы заменили деревянными, застелили скатертями, поставили салфетки. И неожиданно им с Лехой перестало там быть вкусно.

– Может, мы с тобой какие-нибудь ущербные, Тёма? – с тоской чесал отраставшую за три часа щетину напарник. –

Красиво ведь стало, вкусно. Это тебе не манная каша с комочками! И не остывшие сырники с кусочками непромешенного творога. А нам «стекляшку» жаль. Что с нами не так?

Артем, честно, не знал. Но по «стекляшке» тосковал тоже.

– Что-то не так, дорогой? – Наталья, в миленьком домашнем костюмчике ярко-красного цвета, удивительно оттенявшем ее жгучую красоту, потянулась к нему через стол. – Тебе не вкусно?

– Все замечательно, – пробубнил он с набитым ртом, даже не поняв, что только что положил себе в рот. – Ты умница.

И он не врал. Наталья была умницей. Во всем. Упрекнуть было не в чем.

– Спасибо. – Она тепло улыбнулась и вдруг спросила: – Леша не звонил?

– Звонил, – ответил он тут же и подозрительно сощурился. – Только почему-то я не слышал его звонков. Не знаешь, почему?

– Тёма-а-а... – Она рассмеялась красиво и игриво и погрозила ему пальчиком. – Ты все забыл? Ты же вчера вечером, когда тащил меня в койку, сам поставил на беззвучный. Забыл?

Сам? Когда? Вечер, вечер, вечер...

А что было вечером? Он пришел со службы поздно. Принял душ, поужинал. Потрещал с Лехой. Договорились на утро на рыбалку. Потом Наталья перед ним уселась в чем мать родила. И он завелся. И она! Она, черт возьми, посове-

товала ему убавить звонок. Чтобы не мешали. Чтобы не спугнули. И он сам, да, да, сам, своими руками убрал звонок, чтобы не мешали, чтобы не спугнули в самый ответственный момент.

Упрекнуть не в чем! Ее снова упрекнуть не в чем. Как же это она все так мастерски устраивает, а? Он, получается, бредет, будто и не по указке, но как-то так получается, что у нее на поводу. И вроде сам решения принимает, но какие-то почему-то неправильные, не его.

Артем схватил стакан с соком, сделанным из нескольких фруктов, оттого с непонятым приторным вкусом, сразу ему не понравившимся. Прикрылся стаканом от Натальи, не пропускающей ни единого его движения. Внимательно взгляделся.

Что с этой девушкой не так? Почему он медлит? Почему не берет ее в жены? Еще полгода назад купил кольцо, и оно до сих пор у него в сейфе на работе пылится в бархатной коробочке. Постоянно какие-то причины находились, и он оттягивал и оттягивал важный судьбоносный момент.

Она красива? Несомненно! Более чем! Высокая, фигура потрясающая. Ноги бесподобно стройны и длинны. Черные глаза, ласковые, сверкающие. Был бы поэтом, что-нибудь такое сочинил про них, про глаза. Нос обычный, маленький, прямой. Рот нормальный, аккуратный. Скулы, лоб, все в норме. Тоже можно было бы что-нибудь сочинить и про них, умей он. С характером тоже вроде ничего такого. Не истерит,

не обижается, когда он задерживается или когда его дергают по вызовам. Ни разу не упрекнула его ни в чем. Хотя, на его взгляд, можно было бы. Кроме алчного секса, он ни на что такое не способен, ни на какую романтику. А девушкам это просто необходимо, Леха говорит. Они без этого жить просто не могут, опять же с его слов. А Наталья не требует. Почему? Ее все устраивает? Или притворяется? Или просто приручает его? Это снова Леха, его цитата.

– Милый, все в порядке? – Наталья тронула его за голое плечо, погладила нежно. – Тебе не нравится сок?

– Почему? – Артем поставил стакан на стол, в нем убавилось на палец.

– Ты почти не выпил.

Между ее бровей пролегла крохотная складочка, Наталья осторожно потрогала ее кончиком пальца, видимо, знала о ее существовании и тревожилась.

– Странный рецепт, в самом деле. Рекомендован, как сжигающий калории. Больше так делать не буду. Хочешь, сделаю тебе другой?

Нет, ну золото, а не женщина! Другая бы сейчас губы надула. Или орать принялась, что он бездушный и неблагодарный. Что она старалась, готовила, пока он дрых. А он неблагодарный просто скот! Это Лехина жена так надрывалась, если он молча что-нибудь сжирал и не нахваливал. А Наталья...

«Тёма, хорошая она, хорошая, – восклицал все тот же Ле-

ха, когда Артем вставал на защиту своей девушки. – Но... Но с каким-то подвохом!»

Артем сейчас, в упор рассматривая свою девушку, убей, не находил в ней подвоха. Стройная, в миленьком домашнем костюмчике – штанишки по колено, кофточка без рукавов, сидит себе, нога на ногу, локоточки на столе, смотрит на него с любовью. Не капризная, не обидчивая, не склочная.

Что еще надо-то? Зачем рыть так глубоко?

– Какие планы на день, Тёма?

Наталья встала и начала убирать со стола. Если ее и обидело то, что он почти ничего не съел, она никак это не проявила.

– А какие у нас планы, Натуль?

Он попытался вспомнить, что еще планировал, кроме рыбалки с Лехой, на единственный выходной, выпавший как раз на воскресенье. Не вспомнил. С Наташей точно ничего не планировал. И это снова говорило в ее защиту. Ее снова не в чем было упрекнуть. Не она саботировала его прогул рыбалки. Он сам.

– Я не знаю. – Она встала у раковины к нему спиной, принялась мыть посуду. – Что скажешь? Я со всем соглашусь.

Золото, а не женщина, вздохнул Артем. И тут же вспомнил свою бывшую возлюбленную, с которой, случалось, даже сходилась врукопашную. Тина, сокращенное от Кристины, была просто бешеной! И в постели, и в жизни. Она алчно жила, алчно его любила и точно не хотела его делить ни с кем

и ни с чем: ни с работой, ни с друзьями. Но Леху, что странно, терпела. И он к ней относился нормально. И никаких подвохов в ее необузданном характере не находил. Считал это для бабы типичным.

«Они все ненормальные, – кивал он, прикладывая к синяку на локте друга замороженную щучью голову. – Моя тоже как разойдется...»

С Кристиной они разбежались неожиданно и легко. Она просто съехала, забрав свои вещи, и все. Ни записки, ни объяснения. На звонки два месяца не отвечала. Потом позвонила сама и попросила прощения. И сказала, что выходит замуж за нормального мужика. А он, стало быть, ненормальный? Она нормальная, кидавшая в гнев в его сторону все, что подворачивалось под руку, а он ненормальный.

«Здорово!» – ахнул тогда уязвленный в самое сердце Артем и прекратил разговор.

И больше никогда ее не видел и не слышал. А потом появилась Наталья. Любящая, нежная, услужливая. И его мама, познакомившись с ней, сразу сказала, что именно на таких женщинах и следует жениться. И он с ней согласился. И кольцо купил. А прошло полгода – и ничего. Кольцо так и лежит.

Почему?

– Может, съездим к моим за город? – неожиданно предложила Наталья, не поворачиваясь.

Она будто боялась увидеть его недовольную гримасу. Ар-

тем терпеть не мог общаться с ее папашей – грубым, горластым, без конца требующим внуков. Гримаса и в самом деле появилась, и даже в желудке закололо от перспективы бесконечной игры в шашки с будущим тестем. Тот обожал эту игру и слушать ничего не хотел, усаживая Артема часа на три за игровой стол.

– Так что, съездим? – повторила Наталья вопрос с легким нажимом и покосилась на него через плечо. – Мама пироги затеяла. Со смородиной.

– Пироги – это хорошо, – отозвался Артем едва слышно.

И тут же проклял себя за то, что забыл вчера вернуть телефону громкий звонок. Сидел бы сейчас с Лехой на берегу под старой скрипучей лозинкой – их любимое место. Слушал треск хвороста в костре, смотрел на воду, рябую от легкого ветра. Слушал бы Лехино нытье и был бы если не абсолютно, то вполне счастлив. Потом бы они наварили ухи из рыбы, которую Леха ухитрялся поймать, кажется, даже в луже. Выпили бы по сто граммов коньячку, поговорили бы за жизнь. Обсудили бы кое-что, о чем нельзя было говорить ни дома, ни на службе, ни в машине. Потому что везде есть уши. Постарались бы что-то понять, подумать, что можно было предпринять.

А теперь что? Тащиться за город к родителям Натальи? Сидеть полдня в старом дощатом доме, пропахшем насквозь мышами. Играть в шашки со старым придурком. А потом жрать пироги со смородиной, от которых у него непременно

случалась изжога. Странно, да? В «стекляшке», что ни съедали бы, ни разу не жгло. А у тещи будущей...

– Звонят, – наострила уши Наталья, свесив в раковину мокрые руки. – Артем, кажется, звонят?

Точно, звонили на домашний. Из дежурки звонили. Вызов нарисовался.

Вот поверить сложно, но так обрадовался! Даже то, что единственный выходной, случайно выпавший на воскресенье, будет теперь проведен на месте происшествия, настроения не испортило. Лучше там, чем на даче у будущих родственников.

– Я пошел.

Он оделся за три минуты. Вошел на кухню. Обнял со спины Наталью, которая все еще возилась с чем-то у раковины. Поцеловал ее в шею, вкусно пахнувшую кремом и духами.

– Не скучай тут. Хочешь, к родителям съезди, – предложил, уловив ее подавленный вздох.

– А может, ты недолго? – Она повернулась, прильнула к нему, потерлась носом о гладкий подбородок, мокрые руки держала на весу. – Может, одна нога там, а вторая уже тут? И мы вместе тогда съездим?

– Может. – Он даже пальцы скрестил, чтобы было не так. – Позвоню.

– Ага. – Она послушно подставила обе щеки для поцелуя, вздохнула и повторила: – Ага...

Ехать пришлось на адрес на своей машине. Все уже были

на месте происшествия.

– Что там? – Артем поздоровался с водителем дежурной машины, кивнул на подъезд.

– Ясно что – жмур! – хохотнул водитель Степа, обладавший уникальным черным чувством юмора. – Не было бы жмура, не было бы вас, Артемий Николаевич.

– Понятно...

Артем окинул взглядом двор четырехподъездной многоэтажки. Серо, сумрачно, народу никого.

– Что это зрителей нету? – удивился он.

– Так на что смотреть-то? Алкоголичка удавилась! – фыркнул Степа весело. – Зрелище не из приятных. И, думаю, ожидаемых. Похмельки не случилось, видимо, вот в петлю и полезла. Ты ступай. Ступай, Артемий Николаевич, там напарник твой уже шустрит.

– Алексей? – удивленно выгнул брови Артем. – Он здесь?

– А то как же! Прямо с маршрута его вернули. На рыбалку он, вишь, собрался, деловой! А тут другая рыбка на веревочке мотается. – И зычно заржав, Степа полез в машину. – Лови, не хочу!

Артем вошел в пыльный подъезд, где было холодно и отвратительно воняло кошками. Поднялся на третий этаж, именно там обнаружилась настезь распахнутая дверь. Вошел в квартиру. Начал привычно осматриваться прямо в прихожей.

Обычная «трешка», знавшая лучшие времена. Ремонт

давно не делался. Дорогая мебель обветшала. Ковры вытоптаны или затоптаны, черт разберет. Ребят из группы он обнаружил в спальне, что поменьше. Двое опрашивали высокого темноволосого парня, видимо, родственника покойницы. Эксперт стоял на коленках над трупом, уложенным на пол. Леха сидел на корточках с другой стороны и очень, очень задумчиво рассматривал тело.

Женщина, не старая, но спившаяся. В стареньком выцветшем, но странно чистом халатике. Босая. Ступни, что поразило Артема, с идеальным педикюром. И ногти на руках, уложенных вдоль тела, тоже ухожены. Хотя кисти морщинистые. То ли женщина всегда за состоянием своих ногтей следила, то ли к смерти подготовилась.

– Что здесь?

Артем подошел поближе к телу, наклонился, коротко поздоровался с экспертом и напарником. Последний не удостоил его даже кивком – обижается.

– Здесь у нас, Тёмочка, суицид, – нараспев произнес эксперт Стасик.

Мужик под шестьдесят, маленький, кругленький, с абсолютно гладким черепом. Жена звала его любовно – Шарик. И они все подхватили. Стасик не обижался.

– Стопроцентный суицид. Ни тебе следов борьбы. Ни тебе свежих синяков. Ни тебе оторванной пуговицы на халатике, – продолжил нараспев Шарик. – Суицид, к гадалке не ходи. Но точнее скажу после вскрытия, конечно.

– Она была в состоянии алкогольного опьянения, когда повесилась? – спросил Артем, старательно пытаясь поймать взгляд обиженного друга.

– Ты знаешь, не похоже. Характерный запах отсутствует. – Шарик выкатил нижнюю губу, втянул шумно носом воздух, еще ниже склоняясь над покойницей. – Не похоже, Тёмочка. Но ты сам знаешь теперешних алкашей, могут чего-нибудь такого нажраться, что только тщательный анализ...

– Ноготь... – скрипучим, наверняка от обиды на друга, голосом произнес Леха и ткнул пальцем в правую руку покойницы.

– Что – ноготь? – спросил Артем одновременно с Шариком.

– Ноготь сломан, видишь? – Леха упорно обходил его вниманием, обращаясь лишь к Стасу.

– И что? – Эксперт взял бледную до синевы руку женщины, внимательно осмотрел все пальцы.

– А то! Все ногти целы, а один сломан. Почему?

– О господи, Алексей Сергеевич! Что вы, в самом деле!!! – запыхтел бедный Стасик, успевший обрадоваться тому, что случай не срочный и вскрытие можно отложить до понедельника. – Она могла его изгрызть, когда в петлю собралась!

– Не могла. Сломан он. Я его нашел, – настырно покачал головой Леха и впервые глянул на друга. – Под кроватью нашел, в пыли. И еще кое-что обнаружил на самой кромке этой

пыли.

– Что?!

Артем почувствовал привычный азарт, который Лехе удалось разбудить в нем легким движением бровей.

– След. Посторонний след.

Леха резко поднялся с корточек. Поморщился, поскольку отсидел ноги. Дошел до широкой кровати, заправленной странно чистым для комнаты алкоголички атласным покрывалом. Задрал его край, поджав губы, кивнул на пол:

– Что там?

Артем послушно рухнул на колени, глянул под кровать. Пыли было немного, видимо, пол женщина все же мыла. Но и того, что обнаружилось под кроватью, оказалось достаточно для того, чтобы рассмотреть четкий отпечаток носса мужского ботинка. Этот оттиск был сделан не тапком и не женской туфлей, это точно был мужской ботинок. Вопрос: когда он сюда наступал?

– Роман! – громко позвал Леха.

Высокий черноволосый парень выглянул из-за спин сотрудников, которые его опрашивали.

– Иди сюда, – повелел Леха.

Парень подошел. Под метр девяносто, узкий в кости, но с великолепно вылепленной мускулатурой. Видимо, чем-то занимается, решил Артем, тут же поджимая живот, чуть провисший за последние полгода.

Как-то так само собой получилось, что он перестал ходить

в зал. Почему? Это же было для него святым: три раза в неделю на тренажеры. Наталья запрета не вводила, упрекнуть ее нельзя. А почему ходить-то перестал?

Он поймал ядовитую Лехину ухмылку и, как пацан, покраснел. Гад, догадался обо всем сразу!

– Рома, мать последнее время пила? – спросил Леха.

– Третья неделя насухо, – ответил парень, старательно не глядя на тело матери, над которым все еще стоял на коленках Шарик.

– Уборку делала?

– Да. Позавчера. Мена на диван загнала с ногами, со шваброй по всей квартире бегала. – Рома опустил голову, прерывисто задышал. Потом еле выдавил: – Это не она.

– Что – не она? – Леха с Артемом привычно переглянулись.

– Она не могла с собой это сделать. – Рома прижал к глазам большой и указательный пальцы правой руки. Замотал головой. – Она не могла, понимаете!

– Хочешь сказать, ее убили?! – фыркнул один из тех, с кем Роман говорил до этого, подошел к ним. И чуть не со смехом повторил: – Хочешь сказать, ее убили?!

– Хочу, а что?!

Роман вскинул голову, и взгляд его, обращенный на их коллегу, Артему не понравился. Очень опасный взгляд был у мальчишки. Пацану хорошо если было восемнадцать, а взгляд взрослого мужика и дерзкий до невозможного. Ар-

тем снова понимающе переглянулся с Лехой.

– Если ее убили, то кто? Кого подозреваешь? – уже с откровенной издевкой спросил коллега Артема и Лехи. Он скрестил пальцы в паху и качнулся на каблуках. – Кого из ее собутыльников подозреваешь, сынок? Кто у кого стакан отобрал?

И дальше...

Они с Лехой даже ничего толком не поняли. И едва сумели потом вспомнить, что пацан – да, точно – вскинул руку и коснулся какого-то места на шее их коллеги. Не ударил, нет. Просто коснулся, будто погладил. И, оп-па, – коллега уже сидит на заднице, привалившись спиной к стенке. Коленки разъехались, рот приоткрыт. Глаза в одну точку.

– Ты чего, гад, сделал??? – завопил второй коллега, которого Артем не очень хорошо знал. – Нападение при исполнении!!! Да я тебе...

Леха спокойно перешагнул через коленки отключившегося остряка, подхватил его спутника под руку и поволок из спальни. Артем слышал, как его друг настойчиво шипел про превышение должностных полномочий и нарушение процессуального порядка на месте происшествия.

– Стас! – позвал Артем эксперта, продолжающего возиться с телом покойницы. – Что с ним?

– Все в порядке, не переживай, – зевнул Шарик и глянул на парня с опаской: – А ты профи, сынок...

Поговорить с Романом им удалось лишь спустя полчаса.

Пока паковали и выносили тело, пока шел опрос соседей, сын погибшей сидел на кухне. Сидел на табуретке возле окна спиной к двери. Когда Артем с Лехой вошли, он, не поворачиваясь, спросил:

– Когда можно будет ее похоронить?

– Мы сообщим, – ответил Алексей и потребовал: – Повернись.

Роман приподнял ноги и крутанулся на табуретке, очутившись к ним лицом. Хмурый, осунувшийся, глаза пустые, губы плотно сжаты.

Леха вытащил табурет из-под стола, сел напротив парня. Артем остался стоять возле двери.

– Расскажи, – произнес Леха. – Расскажи о матери.

– Что интересует?

– Как давно она пила?

– Последние пять лет. Сразу после того, как отец...

Его болезненный взгляд метнулся к отрывному календарю, на котором замерла дата, – тринадцатое августа пятилетней давности.

– Отец умер? – уточнил Артем.

– Пропал.

– То есть как пропал? – Друзья переглянулись.

– Без вести. – Губы Романа предательски затряслись. –

Ушел из дома и больше не вернулся.

– Он не сбежал? Нет? – продолжил приставать Леха.

– Нет. Хотя я так думал какое-то время. Но пару дней на-

зад... – Он судорожно вздохнул. – Мать заявила, что отец умер. Откуда она знала – понятия не имею. И мне ничего не говорила. Могилу я его не видал.

– Понятно...

Леха вопросительно приподнял брови на Артема. Тот пожал плечами. Семейка, в которой сегодня утром обнаружился суицидальный случай, оказалась с секретами.

– А с чего ты решил, что мать не могла сама, а?

– Она пить бросила пару недель назад. Все говорила, что сильно виновата передо мной. И я тут пару дней назад разговор один ее подслушал.

– С кем?! – спросили друзья одновременно.

– Не знаю. Она по телефону говорила.

– По мобильному?

– Да. Хотя понятия не имею, откуда он у нее. Свой она... –

Он искал слова и соврал: – Потеряла. Давно. А тут я возвращаюсь с улицы, а она в своей спальне говорит с кем-то по телефону. Резко говорит, на нервах...

– Имена называла?

– Нет. Часто замолкала. Я решил, что собеседник ее перебивает. Потом она закончила разговор. Странно закончила. – Широкие плечи парня зябко поежились.

– Что показалось тебе странным?

– Не могу сказать дословно, но она сказала, что, типа, знает, под каким могильным камнем он его похоронил.

– Он?! Его?! – не поняли друзья.

– Ну да. Она так своему собеседнику сказала: «Я знаю, под каким могильным камнем ты его похоронил». И спросила: сказать место безымянной могилы?

– Считаешь, разговор шел о твоём отце? – сощурился Леха.

– А о ком ещё?! Больше мать на моей памяти никого не хоронила. Родни её не помню вообще. Об отце говорили точно. – И он снова с тоской посмотрел на пожелтевший листок численника с черной цифрой «тринадцать».

Леха встал с табурета, шагнул к раковине, пустил холодную воду. Дождался, пока сольется, достал из сушки чистый стакан, налил себе доверху. Залпом выпил. И Артему тут же захотелось. В горле все ещё стоял приторный вкус странного сока, приготовленного Натальей. Друг понял без слов. Налил снова и протянул ему. Артем выпил, благодарно кивнул и коротко в знак примирения улыбнулся. Но Леха подачи не принял, насупленно отвернулся. И тут же снова пристал к парню с вопросами.

– Телефона мы в комнате не нашли никакого. И нигде в квартире – тоже. Где он? Или она с твоего звонила?

– Нет. Не с моего. Мой всегда при мне в кармане штанов. Даже когда душ принимаю, с собой его беру. – Рома похлопал себя по заднему карману. – И в тот день, когда я выбежал на улицу, он был при мне. И где она взяла мобильник – ума не приложу.

– И куда потом дела...

Задумчиво потер Леха стремительно зарастающий щетиной подбородок, хотя он мог побриться и на ночь, собираясь рано поутру на рыбалку.

– Да, именно! – подхватил Роман. – И куда потом дела? Я всю квартиру перерыл потом – нет мобильного. И при себе у нее не было. Халатик старый, ветхий, карманы просматриваются...

И тут голос ему изменил. И выдержка взрослого бывалого мужика тоже. Плечи дрогнули, голова упала на грудь, пальцы зажали глаза. Парень заплакал.

Леха побледнел. И поспешил с кухни. В дверях проговорил не очень уверенно:

– Если что-то узнаешь, звони. Мало ли... И это, Михалев, ты бы был поосторожней. Замки, что ли, поменяй. Не могу сказать, что не верю в самоубийство, но... Всякое бывает. Если кто-то в самом деле убил ее, то как он вошел? Сама его выпустила? Или ключи у него были? Ты, значит, был в отъезде, так?

– Так, – кивнул Рома, насухо вытер глаза, поднял голову на друзей. – Только я не Михалев, я Ростовский. Михалева – фамилия матери. Я носил фамилию отца. Я Ростовский Роман Игоревич, вот так.

– Что-о-о???

Леха привалился спиной к дверному косяку. Лицо сделалось бледным.

– Твой отец, получается, Игорь Ростовский?!

– Ну да.

– Тот самый Игорь Ростовский, который...

Закончить Леха не успел, его предусмотрительно остановил Артем, дернув сзади за полу куртки. И дружище закончил иначе:

– Который пять лет назад выехал на встречу со своим деловым партнером в ресторане и пропал?

– Я не знаю обстоятельств. Помню... Хорошо помню тот день. – И еще один тоскливый взгляд на стену, где мотался старый численник, постоянно напоминая о скорбном дне. – Он веселым был. С утра завтракали, он двенадцатое число оторвал. Шутил. Потом портфель взял, телефон, ключи от дома и машины и... И ушел. И больше мы его не видели. Я долго верил, что он вернется. Не вернулся.

Друзья снова переглянулись. Леха сделал шаг назад со словами:

– Если что узнаешь, звони. Заходи.

По подъезду и до машины они шли молча. Потом Артем предложил Лехе ехать на его машине, и началось!

– Есть! Есть все же Бог на свете! – ликовал с кривой ухмылкой Леха, усаживаясь с ним рядом на пассажирское сиденье. – Он не позволил тебе отдохнуть! Не позволил с Наташенькой в коечке весь день проваляться! Ты друга кинул? Кинул! И Господь тебе следом – работку! Да какую! Это тебе, брат, не просто суицид! Это суицид со значением! Семейка-то как ларец с секретом! Ай-ай-ай, сказала Наташень-

ка, почему так? Я же так ловко отключила звук на мобильном, чтобы мой возлюбленный проспал. Так ловко все придумала, чтобы заполучить любимого в выходной к маме с папой на дачу... Собиралась ведь тебя туда тащить, признавайся, гад?

– Собиралась.

Артем примирительно улыбался, выруливая с неудобного серого двора. Другу надо был дать возможность выпустить пар. Пусть поворчит. Это лучше, чем холодное молчание. И даже не стал оспаривать тот факт, что звук на мобильном отключил он сам, а не Наташа. Или все же она? Черт, не помнил ничего.

– Вот-вот! На дачу к маме с папой! – зло хихикнул Леха, цепко осматривая подъездные двери, мимо которых они медленно катились. – Пирог со смородиной, шашки! Какая же это увлекательная игра – шашки!!! Под них ведь можно что угодно болтать! И про погоду, и про политику, и про то, что давно пора бы уже соблюсти приличия и взять-таки дочку замуж. А то что это за блажь такая – гражданский брак? Живут, живут, добро наживают сообща, а потом и делить нечего. Ай-ай-ай...

– Ладно, хорош, Леха, завязывай, – перебил его Артем и недовольно поморщился.

Странные дела, но дружище просто слово в слово процитировал будущего тестя. Будто в кустах смородины сидел и бредни старика подслушивал, это когда они с Артемом

из дома перебирались за дощатый стол под яблоней. Ведь слово в слово!

– В точку, да, Артемка? – примирительно ткнул его кулаком в плечо Леха. – В точку! И вот что я тебе скажу, друже... Хорошая баба Наташка, спору нет. И красивая, и статная, и рукодельная, только...

– Что? – рассеянно спросил Артем, провожая взглядом высокую худенькую девушку, выскочившую из подъезда, соседствующего с тем, где произошло самоубийство. Девушка побежала прямо туда, и вид у нее был растерянный и странный. Надо бы узнать, что за девушка, подумал он. Нет ли у нее отношений с молодым Ростовским? И если да, то сможет ли она подтвердить отсутствие парня дома в течение суток, предшествующих смерти матери?

Алиби! Алиби у парня сомнительное. Вроде был в отъезде, а где, с кем? Алиби хлипкое. А вот мотив налицо. Мать достала с пьянками. Пять лет пила, не шутка! Нервы могли сдать. Мог обустроить все лучшим образом.

– Профессиональные навыки сыночка в плане боевых искусств не могут не натолкнуть на размышления, – неприятным скрипучим голосом озвучил Леха его мысли. – Об этом задумался, друже?

– Угу... – кивнул Артем, вырулил на проспект, вытянул шею влево. – В отдел?

– А куда еще? – возмущенно отозвался Леха и снова не удержался, снова съязвил: – Не на дачу же к смородино-

вым пирогам!

До отдела они больше не проронили ни слова. В кабинете первым делом Леха кинулся к чайнику, обрадовался, что воды в нем полно, тут же включил, полез за коробкой с чайными пакетиками, за сахаром. Порылся по полкам шкафа в надежде найти чего-нибудь съестное, какой-нибудь сухарь или сушку. Не нашел. Со вздохом поплелся к столу.

– На, лови, – сжалился над другом Артем и кинул ему шоколадный батончик, поняв, что тот давно из дома и завтрака у него наверняка такого не было, как ему приготовила Наталья.

– Спасибо, – проворчал Леха.

Батончик отложил и тут же загремел чашками, Артему чай тоже полагался. Не дал помереть с голоду. Чайник через пару минут задрожал, запыхтел, отключился. Леха залил пакетики крутым кипятком, подал чашку Артему, со своей вернулся к столу.

Хлебнул, обжигаясь, зажмурился. И пробубнил со слипшимися от сладкой карамели зубами:

– Вряд ли сынок, Тёма, сунул свою мать в петлю.

– Почему? – так же невнятно произнес Артем.

Он тоже ел шоколадный батончик с карамельной прослойкой, и у него тоже слиплись зубы.

– А зачем ему? Квартиру делить не хотел? Так мать, думаю, последнее бы отдала и на помойку жить ушла, затребуй сынок раздела. Видал его комнату?

– Видал.

– Компьютер дорогой. Акустика недешевая тоже. Одежда в шкафу фирменная. Да, я заглянул и туда, а что? – вскинулся Леха на вопросительный взгляд друга. – Когда спросил у него, откуда деньги, знаешь, что сказал?

– Что?

Этот момент Артем пропустил, он как раз общался с Шариком. Тот маетно теребил пуговицу на своем рабочем пиджаке, вытянувшись во всех возможных и невозможных местах. И обещал сделать вскрытие уже сегодня. Хотя и был уверен, что ничего нового он сообщить им не сможет.

– Стопроцентный суицид, Тёмочка, – ныл Шарик и с надеждой заглядывал Артему в глаза. – Можно было бы и до завтра...

– Давай все же сегодня, Стасик, – остался непреклонным Артем. – Не дает мне покоя этот сломанный ноготь.

Хотя прекрасно понимал, что ноготь дама могла сломать, завязывая петлю на своей шее.

– Так откуда деньги? Что он сказал? – поторопил друга Артем, который пытался разлепить зубы.

– Сказал, мать снабжала. И если это так, то зачем ему ее убивать, посуди сам? Про несущку с золотыми яйцами знаешь?

– А откуда у нее деньги? Она же пила! Не работала.

– Вот именно, Тёмочка. Пила! Пять лет пила и не работала. Вопрос – на что пила? Было на что, понимаешь? Папка,

наверное, оставил семью не нищей. Историю-то про папку героического помнишь?

– Не особо. Помню, что он пропал. Искали его долго. Не нашли. Решили, что удрал за границу.

– А почему удрал, Тёмочка, помнишь?

– Грязная история там с его деловыми партнерами какая-то вылезла. Так?

– Нет, не так, все не так! – осерчал Леха то ли на него, то ли на липкий шоколадный батончик.

Карамель забралась под коронку, и там сразу болезненно заныло. Сухарики с изюмчиком были бы предпочтительнее, н-да. Или сушка маковая.

– В общем, было так. – Леха чавкнул языком, пытаясь вытолкать карамель из-под коронки. – Папашка его – Ростовский Игорь Романович, пацана-то назвали в честь деда, получается... Так вот, папашка его занялся бизнесом, уволившись из инженеров-проектантов. И как-то так стремительно дела его полезли в гору. Удивительно стремительно.

– Почему? Умный был?

– Умный, друже! Еще какой умный, поскольку болтали, что как только конкурент какой у него на горизонте рисуется, то и сразу как-то исчезает. То разорился, то налоговая счета арестует, то вообще какая-нибудь подстава грязная. В общем, на рынке он долгое время оставался один. А потом, откуда ни возьмись, появился в нашем городе Мишка Косолапый!

– Чего?

– Ну, это прозвище у него такое было – Косолапый. На самом деле фамилия у него была Шелестов. Михаил Иванович Шелестов. Кличка Косолапый, потому что неуклюжий он, и кривоногий, и ходит тяжело.

– А он жив?

– И еще как жив! – фыркнул Леха и с облегчением выдохнул, карамель растворилась, зубная боль ушла. – Жив и процветает. Особенно последние пять лет.

– То есть ты хочешь сказать, что Ростовскому не удалось убраться конкурента в этот раз, убрали его?

– Не я хочу сказать, Тёма. Это люди так говорят. И сидеть бы Шелестову, да алиби у него имелось железобетонное. И с доказательной базой было слабовато. Может, теперь повезет?

Леха допил свой чай и включил компьютер.

– Куда клонишь? Думаешь, умершая вышла на Шелестова и пригрозила, что расскажет, где тот похоронил ее мужа? А зачем?

– А может, деньги у нее заканчивались.

– Думаешь, он ей платил? Не на деньги мужа она жила, а убийца ее мужа платил ей за молчание? – Артем недоверчиво покрутил головой. – Хлипко и сомнительно, Леха.

– Согласен. Но точно будем уверены после того, как проверим состояние счетов покойной дамы, сделаем запрос в банки и нотариальные конторы. Что она унаследовала?

На что жила все эти годы? На что так недешево содержала сына? Если на деньги мужа – вопросов нет. А если после него ничего, кроме долгов, не осталось? Что тогда выходит? Выходит, платил ей тот, кого она постоянно шантажировала.

– Ну да, разговор, подслушанный сыном, смахивает на шантаж.

– И надо проверить звонки на телефоны Шелестова, если, конечно, они зарегистрированы на его имя, – проворчал Леха, тыкая одним пальцем в клавиатуру. – Сейчас все умные!

Часа два они занимались бумагами, отчетами, потом одновременно свернулись и, не сговариваясь, пошли из кабинета. На улице Леха без приглашения сел в машину к другу и, постучав пальцем по циферблату часов, не без удовлетворения произнес:

– Пятнадцать ноль-ноль. На дачу опоздал.

– И что?

Артем как раз притормозил на перекрестке, откуда было два пути. Налево – домой к Лехе. Направо – домой к нему. К Лехе ехать не хотелось. Там его жена Марина. Женщина крупных габаритов, не улыбочивая, сварливая. Домой не хотелось тоже. Наташа могла все еще его ждать. И если он явится, потащит его к родителям на дачу. А ему настраиваться на эту встречу надо день!

Леха правильно его понял и скомандовал ехать прямо.

– И куда нас приведет эта дорога?

– Увидишь, – загадочно померчал глазами дружище. –

Знай, Тёмочка, езжай...

Они проехали дюжину кварталов. Потом друг скомандовал повернуть раз, другой, третий. Артем петлял дворами, уже не раз пожалев, что послушался. Надо было ехать домой. И просто потом не ехать на дачу. Наташа даже дуться бы не стала, только вздохнула. На скандалы она, кажется, была не способна.

Упрекнуть ее было не в чем.

– Приехали! – шлепнул его по плечу Леха.

И, дождавшись, когда он приткнет машину под липой, промокшей от ночного дождя и озябшей от холодного утреннего ветра, полез из машины со словами:

– Вот оно, наше с тобой благодатное место, Тёма. Я его нашел!

Благодатным местом оказалась старенькая, странно выжившая среди шикарных конкурентов, совдеповская столовка – точная копия «стекляшки», что жила прежде через дорогу от их отдела. И пахло там так же – смесью запахов острого гуляша, котлет, оладьев. Правда, кормили вкусно. И даже подавали в разлив и пиво, и водку, и коньяк.

– Тебе нельзя. Ты за рулем. – захихикал Леха, сразу заказав себе сто пятьдесят граммов коньяка. – А я, друже, пожалуйста, приму. А ты заказывай, заказывай.

– А что советуешь?

Артем начал листать меню – еще одно отличие от «стекляшки», где меню было писано от руки на листе тетрадном

и вставлено в планшет на стене. Он, конечно, был разочарован, что обед у него пройдет всухую, но крайне был рад потянуть время и не являться сразу домой под неусыпное заботливое око своей милой девушки, которую ну совершенно не в чем было упрекнуть.

– Возьми картошку пюре, она на масле, честно. Возьми бифштекс рыбный. Обалдеешь, как вкусно.

Леха потер руки, дождавшись пузатого графинчика с янтарной жидкостью и блюда с тонкими кружками лимона.

– Рыбный? – усомнился Артем.

– Рыбный, рыбный. Когда в последний раз ел рыбные котлетки, друже? А, даже вспомнить не можешь! Твоя Наталья ими брезгует. А зря! Помнишь, как мастерили с тобой из окунька, а? Объедались же!

Что правда, то правда. Они часто с Лехой, наловив рыбы, привозили ее к Артему, потому что Маринка категорически отказывалась возиться с «селявкой» и портить маникюр. Они чистили рыбку, разделявали, запускали в электрическую мясорубку, подаренную Артему коллективом на тридцатник для каких целей – непонятно. Потом месили рыбный фарш, формовали громадные котлеты, на сковородке умещалось лишь четыре штуки. Роняя слюну, без конца ворочали крупные изделия в масле. А потом с аппетитом, под водочку, поедали, наломав черного хлеба кусками. И так, черт побери, было это вкусно. Неповторимо вкусно!

Артем заказал два рыбных бифштекса, двойную картош-

ку пюре и бутылку безалкогольного пива. Ему принесли заказ, Лешке принесли его четыре котлеты без гарнира. И пир начался.

– Обалдеть, как вкусно! – постанывал Артем, потроша бифштекс рогатой вилкой. – Леха, ты гений! Как ты отыскал это место?! И дешево как, почти даром!

– Вот! Видишь, какая тебе от друга польза! А ты с ним на рыбалку не поехал, – вяло упрекал друг, заметно охмелев. – А место это я открыл совершенно случайно. Просто как-то пересекся с участковым из этого района. Заговорились. Он и предложил пообедать здесь. Я и запал.

– Здорово... – бубнил Артем с раздутыми от еды щеками. – Невозможно вкусно!

Он совершенно позабыл, что на воскресный ужин Наталья планировала запечь утку, набив ей нутро сухариками с клюквой. К слову, он не очень любил ни утку, ни кислую начинку. Но послушно ел и нахваливал. Она же старалась!

Сейчас позабыл и про утку, и про Наталью. Было вкусно, тепло, уютно рядом с Лехой. И поговорить хотелось о деле.

– Как думаешь... – начал фразу Артем.

Но чертов друг, научившийся читать его мысли, перебил:

– Да не вешалась она, Артем. Что ты как маленький? Ага, маникюр сделала, ноги в порядок привела. Для патологоанатома, что ли? Не смеши! Жить она собиралась. Жить, Артем! И пить бросила. И в доме порядок навела. Там у сына даже за акустикой всю пыль протерла, я специально по-

лез, проверил. Жить она собиралась. А кто-то ее планам помешал, потому что трезвой и здравомыслящей она была не нужна. Она была опасна. Она могла что-то начать говорить. И ей могли поверить, что самое страшное. Одно дело – слова опустившейся алкоголички. Совсем другое – слова трезвого человека. Убили ее, Тёма. Уверен и готов с тобой пари заключить. Но это, сто процентов, не сын. Что бы ты там себе ни придумывал.

– Я-то что! – дернул плечами Артем. – Просто все равно проверить надо его алиби. И вообще, чем он занимается? Мастер боевых искусств, блин. Проверить надо.

– О-о-о, вот тут не беспокойся, Тёма.

Леха вылил остатки коньяка в рюмку, с сожалением посмотрел на свет. Причмокнул языком: мало! И выпил залпом, не поморщившись. Подобрал с тарелки котлетные крошки – он смолотил все четыре штуки. Прожевал, выдохнул, глянул на друга покрасневшими глазами и сдавленным голосом – все же коньяк обжег ему горло – повторил:

– Тут вот можешь не беспокоиться, друг.

– О чем ты?

Артем тоже все доел, допил безалкогольное пиво, убрал бумажник в карман. Здесь платили сразу, как в заповедные советские времена.

– Думаю, что его уже по всем статьям проверяют.

– Кто же?

– А обиженный! Думаешь, простил свой конфуз парню?

Сильно сомневаюсь, Тёма. И если Шарик уже сделал предварительное заключение по результатам вскрытия... И подтвердил наши с тобой опасения, что дама не сама себя жизни лишила. Думаю, парня уже закрыли на семьдесят два часа. И несладко ему там придется. Ой несладко, Тёма!

– Твои предложения? – с надеждой спросил Артем и глянул на часы.

Половина пятого. Они всего-то ничего здесь пробыли. И если он сейчас вернется домой, то Наталья запросто пристанет с дачей. А то еще, чего доброго, мама с папой, не дождавшись чада к себе, заявятся к ней. И это было бы...

Это было бы для Артема настоящей катастрофой! Он точно знал, потому что однажды они уже побывали у него в гостях. И наглый будущий тесть обошел все комнаты, включая кладовку за ванной. Обшарил все его углы. И без конца неодобрительно хмурился и все повторял: тесновато.

Домой он все еще не хотел, это точно. И он снова с надеждой спросил у друга:

– Твои предложения?

– А поехали в отдел, друже. Думаю, пацан уже там...

Глава 4

Роман сидел на жестком стуле в совершенно прокуренном на глушняк кабинете, и на языке вертелся ядовитый вопрос: а что, указ правительства этим хмырям не указ?! Запрет на курение в общественных местах на них не распространяется? Или этот кабинет не общественное место? Или этот кабинет закрытая для всех законов территория? Они же внезапно его нарушают уже час! Эти два хмыря, возомнившие себя законниками, нагло нарушают законодательство, оскорбляя его, задавая вопросы, которых задавать не имеют права. Они надеются его – что? Правильно, запугать! Они просто не знают некоторых вещей о нем.

Во-первых, он не из пугливых.

Во-вторых, он сделал один-единственный звонок, и помощь уже спешит.

В-третьих, он читает этих двух глупцов, возомнивших себя умными, как открытую книгу. И ему оттого смешно и от их вопросов, и от их угрожающего тона.

В-четвертых, он не убивал свою мать. И тихо, глубоко внутри горевал о ней. И вообще ничего не мог понять из того, что случилось.

Кому нужна была ее смерть? Тому, кому она звонила накануне гибели? А кому она звонила? Получается, убийце его отца. Стало быть, она его знала?! Все эти годы знала о нем

и, вместо того чтобы разоблачить, привлечь к ответу, тупо спивалась?!

Дура!!! Идиотка!!! Этого он ей простить не мог! Как ни за что не простил бы ее самоубийства. Только не прощать ее было тут не за что. Она не убивала себя. А вот что скрыла от сына имя убийцы отца, то...

– Ты понимаешь, парень, что ты влип? – скрипел зубами тот, кого он отключил в материной спальне. – Влип конкретно! Мало того, что тебе влепят срок о-го-го какой! Так еще и на зоне тебе будет несладко. Мать там святое!

– А вы там были? – холодно поинтересовался Роман и перевел взгляд на часы. Помощь должна была вот-вот подоспеть.

– Где? – дернул шеей умник.

– На зоне были? Наверное – да, раз знаете, как мне там будет?

Парень, молодой еще в сущности, тридцати точно нет, потому и ведет себя так глупо, переломил пополам простой карандаш и швырнул обломки в его сторону. Рома не шевельнулся. Обломки пролетели мимо.

– Умничай, умничай, – опасно заулыбался второй.

Лениво поднялся, подобрал обломки простого карандаша, при этом задел пару раз Романа локтями. Ощутимо задел. Вернулся на свое место, стул его стоял рядом со стулом пострадавшего коллеги. Опять улыбка, кивок головой:

– Умничай, умничай. Только вот, понимаешь, проблема

одна есть.

– Какая? – не выдержав, спросил Роман.

Опасный оскал следователя его нервировал.

– Камер свободных у нас нет. Придется тебя в общую поместить. Там, правда, контингент не очень. А что делать? Не отпускать же тебя!

– Почему нет? Я ничего не делал.

Роман занервничал сильнее. В камеру он не хотел. Он не мог там находиться. Тем более в общую камеру. Он знал, что там. Он бывал в таких. Десяти минут хватило, чтобы время остановилось. Потом его оттуда вытащили. Но и десяти минут хватило.

– Это ты говоришь, что не делал, – фыркнул тот, что опасно улыбался. – Мы же не знаем этого наверняка! Ты же не говоришь, где провел ночь, когда твоей матери не стало! А мы...

– Я был со своей девушкой, – нехотя проговорил Роман.

– Кто такая? Имя, адрес? – повесил пальцы над клавиатурой пианистом тот, который пострадал от его руки.

– Диана Мосина, – ответил Роман и поморщился, называя ее адрес.

Вот уж никогда не думал, что придется трепать имя Дианки, и где? Перед ментами! Не сплеховала бы она, вот что! Где же эта гребаная помощь?! Позвонил еще два часа назад. И что?..

– Имя какое интересное, – меланхолично произнес следо-

ватель, забывая в протокол имя свидетельницы. – Русская?

– Да.

– Так... Адрес... Соседи, что ли?

– Да. Подъезды разные.

– Ага... Как давно у вас отношения? В интимной связи состоите?

Он покраснел и вдруг запаниковал. А если ей такие вопросы станут задавать? Как она ответит? Она же скромная, стеснительная.

– Нет.

– О как! – фыркнул опасно улыбающийся сотрудник. – Ночь, стало быть, провел с ней вместе, а интима не было? Чем же вы занимались?

– Не важно, – буркнул Роман, опуская голову.

– Нет важно, гражданин Ростовский! Очень важно!

Коллеги переглянулись с пониманием, тема требовала развития.

– Итак, интима не было? Точно?

– Точно.

– А спали? Спали вы в разных койках?

– Почему в разных? В одной. – Роман покусал губу, не зная, что соврать дальше. – Только это... В одежде.

– О как! Пуритане, слышь!

Они снова довольно заухмылялись друг другу. Не дураки – понимали, что парень врет. Либо секс у них с соседкой был на всю катушку и он врал, чтобы избавить половую парт-

нершу от подробностей при допросе. Либо его вообще с ней не было. И он мог запросто засыпаться, начни они у него подробности вынимать клещами.

– Что-то подсказывает мне, что ты врешь, парень, – выкатил нижнюю губу валиком улыбчивый коллега. – Не было тебя с ней.

– Был!

– И она это может подтвердить?

– Может!

– А где она сейчас?

– Внизу, у дежурки, – неуверенно ответил Роман.

Дианка должна была там быть. Они так договорились. И на помощь ее он рассчитывал. На грамотную, умелую помощь. Он же не знал тогда, когда просил ее помочь, что эти двое станут копать так глубоко.

– И мы можем ее прямо сейчас увидеть? – Тот, которого он отключил, взял телефонную трубку, набрал дежурку. – Ту девушку, которую ты ночью не тронул?

Роман промолчал.

А пострадавший переговорил с дежурным. Узнал у того, что какая-то девушка в самом деле уже час топчется на ступеньках отдела. И попросил доставить ее в кабинет.

– Ну что же, подождем твою девушку.

И в кабинете минуты на четыре повисла гнетущая тишина. Роман рассматривал свои коленки, обтянутые спортивными штанами. На всякий случай надел, когда за ним при-

шли. Хотя и был уверен, что ненадолго тут, но все же привычно влез в спортивку. Что за фигня? Где помощь?

Потом в дверь постучали. И тихий голос Дианки попросил разрешения войти. Эти двое одновременно разрешили. Она вошла. И те молча принялись ее рассматривать.

Ромка тоже на нее уставился, нервно дергая кадыком. Не оплошала бы, не наболтала бы лишнего.

Дианка вырядилась в темно-синий костюм, состоящий из юбки и пиджака, который Ромка у нее никогда не видел. Может, форма школьная? Он же не ходил с ней вместе в одиннадцатый класс, многое просмотрел. Серая кофточка с глубоким вырезом под пиджаком, обнажающая ложбинку между грудей. Странно, он и не заметил, когда у Дианки появилась грудь. Просмотрел. Помнил ее очень худой, гибкой, сильной. Помнил ее своим боевым товарищем, лишенным всяких там признаков, от которых даже у ментов рты открылись. Грудь, ноги длиннющие, красивые. Юбка при таких ногах могла быть и подлиннее, с неожиданной ревностью подумал Рома.

– Диана? Мосина? – улыбнулся ей следователь, но не опасно, как ему, а приветливо.

– Да. – Она кивнула, запуская в движение белокурые волосы. – Я – Диана Мосина.

– Вы знаете этого человека? – В его сторону небрежно ткнули шариковой авторучкой.

– Да. Это Роман Ростовский. Мой... – Она замялась, по-

кусала нижнюю губу. – Мой парень.

– О несчастье в его доме слышали?

– Да. Его мама... – Она замялась, лицо болезненно сморщилось. Она долго подбирала слова, наконец произнесла: – С его мамой несчастье.

– Не знаете. почему она это сделала?

– А разве она сама это сделала? – вырвалось у Дианки.

И Рома мысленно застонал, потому что следки тут же стремительно переглянулись.

– А кто? – выпалили они одновременно.

– Не знаю.

Диана тщетно ловила взгляд Ромы. Ей нужна была его поддержка. Он должен был направлять ее. А он уставился на свои коленки и почти не дышит. Его спина, обтянутая спортивной кофтой с капюшоном, казалась ей неподвижной.

– А почему вы решили, что она не сама с собой это сделала?

– Потому что не могла! Потому что она очень любила Рому. И он ее. И она все, что у него оставалось! Она знала об этом. Она не могла сама! Не могла, – выпалила Диана на одном дыхании, не сводя с его спины взгляда. – Она бросила пить. Она только что бросила пить. Она собиралась жить. Долго жить. Она не могла!

Она замолчала и перевела дыхание. Кажется, все так? Кажется, убедительно?

– А где же был любящий сын, когда с матерью случилось

несчастье? – И две пары глаз впелись в бедную девушку.

– Со мной, – слишком поспешно ответила она. – Мы были вместе.

– И где вы были? Как вы были? Вы вступали в интимную связь? Что вообще вас связывает? Какие отношения? Как давно вы знакомы? Роман Ростовский ваш любовник? Давно у вас интимные отношения? Ваша мама знает об этом? Как она относится к тому, что...

Дианка не выдержала и, зажмурившись, попятилась. И отчаянно замотала головой.

– Я не стану отвечать на ваши дурацкие вопросы! – крикнула она.

Нашарила за спиной дверную ручку, в которую упиралась поясницей, опустила ее вниз. Она сбежит. Она сейчас сбежит. Говорить с ними о том, о чем мечтать было сладостно и запретно, значило вывалить все в грязи. Значило...

Она почувствовала, что кто-то помогает ей с дверной ручкой. Кто-то, стоящий за дверью, тоже пытается открыть дверь. Диана отступила в сторону, освобождая проход. Дверь распахнулась, и порог переступил среднего роста мужчина в темном костюме. Гладко зачесанные назад темные волосы. Очки на крупной переносице. Плотно сжатые сердитые губы. В руках портфель. Диана не разбиралась в качестве кожи, но даже она поняла, что портфель очень дорогой. И костюм, безукоризненно сидевший на мужчине, – тоже. И ботинки, одного цвета с портфелем, тоже показали ей рос-

кошными.

– Добрый день, – поздоровался мужчина как-то вяло, невразумительно. – Что здесь происходит, господа?

– А вы кто? – Тот следовательно, что сидел за столом, подпер кулаком подбородок, поставив локоть на стол, глянул на гостя с беспечной улыбкой. – Не адвокат, нет?

– Совершенно верно. Я адвокат Ростовского Романа Игоревича. Арбузов, – представился он. – Арбузов Иван Игнатьевич.

И полез за документами в красивый портфель, поставив его на соседний стол, за которым должен был сидеть второй следователь. Но он почему-то все время сидел со своим коллегой. Рядышком. Как на завалинке. Почти касаясь его локтем. Может, такая близость придавала им уверенности?

– Надеюсь, законность при задержании моего подзащитного была соблюдена? И правила ведения допроса... Тоже все законно? – скороговоркой бормотал Арбузов, доставая пакет документов и небрежно швыряя их на стол следователям. – Не мне же вас учить работе, господа. Ой, а это кто?

Он резко обернулся на Диану, будто только теперь заметил.

– Кто эта девушка? Ваша сотрудница?

Коллеги молчали, лица их помрачнели. Исчезла беспечность.

– Попробую угадать!

Арбузов заулыбался и приставил указательные пальцы

к уголкам рта, будто придерживал, будто боялся, что рот его от преднамеренного сарказма расплзется невероятно широко.

– Это девушка моего подзащитного, так? – начал он говорить, глядя на Диану непозволительно похотливо.

Ей так показалось. И она тут же попыталась свести на груди лацканы пиджачка.

– Диана Мосина, так? – Арбузов нагло тарасился на ее коленки. – И вы сейчас, господа, проверяли алиби моего подзащитного, допрашивая свидетеля прямо в присутствии моего подзащитного? Я не ошибся? Все так?

Коллеги не отвечали. На них было лучше не смотреть. Арбузов размазывал их по стенке, пункт за пунктом находя нарушения как в самом задержании, так и в правилах ведения допроса.

– Все претензии изложены в документах. – Адвокат осторожно двинул папку с бумагами по столу кончиком ухоженного указательного пальца. – Ознакомьтесь, пожалуйста.

Читали они вместе, почти соприкасаясь головами. Что-то бормотали негромко друг другу. Один сделался бледным, лицо второго пошло красными пятнами.

– А без этого никак? – На манер адвоката один из следователей, захлопнув папку, двинул ее по столу в сторону Арбузова. – Может, обойдемся без таких вот уточнений?

– Легко, господа! – Арбузов схватил папку, сунул ее обратно в портфель, небрежно шлепнул Рому по сгорбленной

спине. Скомандовал: – Идем, Роман.

Рома вопросительно глянул на следователей. Те одновременно кивнули головами. Один из них тут же начал выписывать пропуск ему и Диане. Арбузов в таком документе не нуждался. Они втроем вышли из кабинета. Адвокат тут же повернулся к ним спиной и пошел в сторону лестницы.

– Спасибо, – крикнул ему Рома. – Я вам обязан!

Тот не ответил. Лишь вскинул левую, не занятую портфелем руку, и лениво шевельнул пальцами.

Диана потрясенно переводила взгляд с Ромки на спину Арбузова, затянутую в дорогой пиджак. У нее кружилась голова. Немного от голода, она даже не успела позавтракать, когда Ромка позвонил. Только выбралась из постели, как он позвонил и попросил прийти. Немного от всего, что свалилось на нее сегодня.

Она никогда не была в полиции! Никогда! Страшное происшествие со старшей сестрой ее не затронуло. Она все лето, пока велось следствие и шел суд, провела у бабки в глухой деревне. Там даже не было мобильной связи. И она три месяца спала, ела, купалась, загорала, играла в карты с соседскими ребятами. А, да, еще она бегала по пять километров каждый день. И тренировалась, удрав подальше от любопытных глаз.

Ее никто не допрашивал. Не устраивал ей очных ставок с сестрицей. Она не носила передачек ей в следственный

изолятор. Ее от всего оградили тогда. Мама оградила. А теперь...

Теперь ей пришлось столкнуться лицом к лицу со всем тем, что называлось следственными мероприятиями. И эти мероприятия ей совсем не понравились. Ей задавали такие вопросы! На душе после них было мерзко и гадко. Даже вымыться поскорее хотелось. И во рту поселился металлический привкус, будто она полдня катала языком пистолетную пулю.

И, главное, Рома! Как так могло оказаться, что его заподозрили в убийстве его мамы??? Это же... Это же...

– Я сейчас. Погоди.

Он легонько тронул ее за локоть и снова повернулся лицом к двери, из которой только что вышел. Приоткрыл ее, сунул в щель голову. И Диана отчетливо услышала, как он сказал:

– Мать не делала этого сама, товарищи полицейские. И я этого не делал. Это сделал тот, кто убил моего отца! Она его знала. Я нет. Ищите...

И тут же дверь закрыл. Схватил ее за руку и потащил к лестнице. Потом мимо дежурного, на улицу. И тащил еще, как на привязи, пару кварталов, совершенно не замечая, что она еле переставляет ноги. Потом за углом какого-то дома притормозил. Оглядел шумную улицу. В воскресный день, хоть и не очень погожий, прогуливающихся было много. И это его, кажется, успокоило.

Он как будто хотел затеряться, подумала Диана, рассматривая его бледное лицо, казавшееся теперь незнакомым.

– Спасибо тебе, – произнес Роман, чуть наклонился и прижался губами к ее щеке. – Ты молодец. Я переживал, что ты скажешь что-нибудь не то.

– Рома, что происходит?

Она пыталась заглянуть ему в глаза, но он все время их уводил куда-то в сторону. То на клумбу уставится с пробившими землю острыми листочками тюльпанов. То на группу молодежи, обвешанную спортивным снаряжением. То его бабушка заинтересовала, выгуливающая на поводке громадную лохматую кошку.

– Рома, что происходит? – повторила вопрос Диана, схватила его за рукав спортивной кофты и дернула с силой.

– Я не знаю, – поморщился он.

И глянул на нее со смесью недовольства и раздражения, будто она была помехой. Глупой, несуразной. Диана обиженно надула губы. Он сам попросил ее о помощи, она не навязывалась.

– Костюм идиотский, – вдруг сказал он и скроил отвратительную гримасу. – Ничего другого не нашлось надеть, что ли?

– Это имеет значение? – произнесла она после паузы, обида затопила до удушья.

– Нет, но... Встречают по одежде. И тут ты в школьной форме!

Ромка неожиданно протянул руку к вырезу на ее кофточке и сунул за него палец. И тот начал красться все ниже и ниже.

– Это не школьная форма! Это просто костюм! Деловой костюм! – прохрипела она, потому что задыхалась, потому что сердце бесилось в груди, потому что он не должен был так себя вести, не должен, не имел права! Она отшвырнула его руку, шарившую у нее за пазухой на глазах старой женщины с кошкой, на глазах молодежи, увешанной спортивным снаряжением, на глазах всей улицы. Он хотел ее унижить?!

– Это просто костюм! – выпалила она снова и почувствовала, что вот-вот заплачет.

– Идиотский костюм, – повторил Ромка как будто с удовольствием. – Видела, как одет адвокат? Это деловой костюм, детка. А то, что на тебе...

– Да пошел ты! – закричала Диана со слезами и, повернувшись, побежала прочь.

Вот и хорошо. Вот и ладно. Пусть она лучше его ненавидит. Поплачет и пройдет. Он не достоин ее любви. Он не должен, не имеет права погружать ее в ту мерзкую трясиину, в которую погружался сам все глубже и глубже. Так засасывало!..

Он все еще наблюдал отчаянно трепетавший от быстрой ходьбы подол ее юбочки, когда ему позвонили.

– Да? – Он знал, кто звонит. – Здравствуйте еще раз. Спасибо...

– Из спасибо шубу не сошьешь, – прошамкал ненавист-

ный рот ему в ответ. – Будешь должен.

– Понимаю.

Рома отчаянно искал Дианку среди спин и плеч праздно шатающихся людей. Ее нигде не было, наверное, успела заскочить в автобус. До их дома было четыре остановки от того места, где он ее намеренно обижал.

– И на сей раз ты мне должен очень много. Минута Ивана знаешь сколько стоит?

– Догадываюсь.

– Даже не догадываешься, пацан. Плюс все старые долги... Ох-ох-ох, ну да ладно, чего не сделаешь ради старых друзей, – притворно повздыхал собеседник. – Ладно, выход есть.

– Да? Слушаю!

Он понимал, что это очередная ловушка. Понимал, что это чудовище его просто так с крючка не снимет, не для того ловил. Но то, что он предложил на этот раз, выходило за рамки. За те рамки, которые он сам для себя определил.

– Нет! Я не могу!

Рома зажмурился и прислонился к бетонной шероховатой стене дома, возле которого намеренно обижал Дианку. Звуки улицы сделались вязкими, гулкими. Все, что двигалось мимо него, вдруг плавно поплыло. Вместе с этой чертовой клумбой, землю в которой пробило копьями тюльпанных листьев. Вспомнилось вдруг не к месту, что мать не терпела тюльпа-

нов. И розы не особенно. Любила астры – мохнатые, яркие, с ажурными листьями.

Почему вспомнил? Может, потому, что его ненавистный собеседник как раз завел разговор о его матери.

– Ты должен отомстить за мать, – требовал хриплый голос. – За отца. Ты должен наконец остановить его!

– Я не могу!

– Не остановишь – он заберет твою девочку. Она ведь дорога тебе, да? – поинтересовался собеседник вкрадчиво. – Можешь не отвечать. Знаю, что дорога. Как бы ты ни пытался убедить всех в обратном, это очевидно. И очевидно не только мне. Если ты его не остановишь, он заберет ее...

Он пошел до дома пешком. Все четыре остановки до их дома он отмахал пешим порядком. И находил странным, что люди кутались в плащи и куртки, отворачивались от ветра, жались друг к другу. Ему пот заливал лицо. Ему было жарко, душно. Он даже стащил с себя толстовку, оставшись в тонкой футболке. Повесил ее на шею, рукавами вперед. Надеялся замерзнуть. Надеялся отдышаться. Не помогало. И еще хуже стало, когда дошел до своего подъезда и увидел Дианку, ждущую его на скамейке.

Она успела переодеться в светлые джинсы и тонкую красную курточку. И была такой прехорошенькой, что он чуть не застонал, подходя ближе. И даже не нашел обидных слов. Намеренно обидных слов.

– Рома! – окликнула она его, когда он стремительно пошел

МИМО.

Встала у него на пути, загородила подъездную дверь.

– Чего тебе?

Он опустил взгляд, наткнулся им на ее старые лобастые кроссовки. Поднял глаза выше. И вдруг увидел, что тонкие светлые джинсы на ее коленках странно трясутся. Господи, это ее коленки тряслись! Ее трясло! Может, от холода, потому что долго ждала его. Может, от обиды. Может... от страха. Она же умненькой была, Дианка. Очень умненькой. И иногда, это когда еще они тесно общались, дружили, когда еще он не ступил ногой в мерзкую трясину, засосавшую его теперь почти по грудь, она делала удивительно логические выводы.

– Надо поговорить, – произнесла Дианка, и подбородок ее при этом тоже дрожал. – Идем к тебе.

– Хорошо, – сдался Рома, открыл дверь пропустил ее.

Они молча поднялись на его третий этаж. Пешком поднимались, лифт застрял где-то наверху. Вошли в квартиру. Одновременно уставились на затоптанный пол.

– Поставь чайник, – скомандовала Дианка и расстегнула курточку. – Я быстро протру...

Он послушался. Он устал. Устал спорить, гадать, сопротивляться. Он устал быть один на один со своей бедой. Он никому ничего не рассказывал. Никогда! Мать о чем-то догадалась. И он мог бы сегодня с ней все обсудить. Она была умной. До того, как начала топить себя в алкоголе, была

умной и рассудительной. Она бы помогла ему хотя бы советом. Теперь матери нет.

Рома налил чайник доверху, поставил его на газ. Капли с пузатых боков тут же отвратительно зашипели, скатываясь в пламя. Мать всегда вытирала чайник полотенцем, прежде чем поставить кипятить, зачем-то вспомнил он. Матери теперь нет. Наверное, что-то надо делать. Как-то готовиться к похоронам. Обзвонить родственников. Купить какую-то одежду. Господи! Он ничего в этом не понимал! Он никогда никого не хоронил! Даже пропавший отец до последнего времени оставался для него живым.

Рома сел к столу. Уставился на пожелтевший численник. Тринадцатое августа пятилетней давности. Может, стоило тогда снять его со стены? Выбросить? Забыть? Может, не стоило делать так, чтобы это напоминание постоянно мозолило глаза? Почему мать не выбросила? Не решилась? Хотела помнить вечно?

Роман поставил локти на стол, уронил лицо в ладони.

И что теперь, спросил он у себя. Как он дальше станет жить? Жить с пугающей холодной ненавистью к своему покровителю. Жить, не имея возможности любить. Жить, не имея права на будущее. Разве это жизнь?!

В ванной лилась вода. Дианка гремела шваброй в гостиной, в спальне матери, в его комнате, потом в прихожей. Потом перебралась в кухню. Заставила задрать ноги, лавируя шваброй между ножек стола.

– Не надо ничего этого, – произнес он угрюмо, косясь на ее покрасневшееся лицо.

– Молчи. – Она метнула в него странно взрослый, пронизательный взгляд, сдунула с лица прядку волос, выбившуюся из хвостика на макушке. – Чай завари. Мне зеленый.

И ушла с кухни снова в ванную. Вымыла швабру, вымыла руки, выключила воду. В квартире повисла такая гнетущая тишина, что Рома тут же начал греметь чашками, чтобы не задохнуться от тоски, сдавившей ему душу.

– На вот, зеленый. – Он пододвинул ей чашку, когда она уселась за стол напротив него. – Как просила.

– Спасибо.

Диана хлебнула, обожглась, поморщилась. Смешно вывернула нижнюю губу, пытаясь на нее подуть. Она так раньше всегда делала, он помнил. И всегда находил это забавным. Сейчас смотреть на это было больно.

– Ты хотела поговорить, – напомнил он, чтобы не раскиснуть окончательно.

– Да. Хотела.

Девушка положила на стол руки, погладила старый пластик, в точности повторив жест его матери пару дней назад, глянула на него:

– Рома, что происходит?

Он тут же взорвался, закричав:

– Моя мать погибла. Меня задержали по подозрению, но тут же отпустили за недостаточностью улик. Так это у них

называется и...

– Рома, что с тобой происходит? – перебила его Диана. И незнакомо, по-взрослому, хмыкнула. – Я не слепая. Я понимаю, что ты куда-то вляпался. И я хочу знать, куда?

– С чего ты решила, что я куда-то вляпался? – Он старательно беспечно подергал плечами, замотал головой. – Полиции свойственно подтасовывать факты. Чем кого-то искать, лучше схватить того, кто под руку подвернулся.

– Рома, у тебя нет алиби, – напомнила она тихо. – И нам с тобой это известно. Я не была с тобой. Ты не был со мной. Ты попросил – я сказала то, что надо.

– Могла бы не говорить! – снова заорал он, вскочил с места и встал, напружинив спину, лицом к окну. – Я ее не трогал!

– Я знаю.

Диана выбралась из-за стола. Подошла к нему вплотную. Прижалась щекой к его спине, обняла, сомкнув пальцы на его плоском животе, проговорила в ошетинившиеся лопатки:

– Тебя не было дома минувшей ночью. Я об этом знаю.

– Чего тогда тебе от меня нужно?! – не понижая голоса, спросил он. Попытался расцепить ее пальцы, потому что от буханья ее сердца ему было совсем плохо, но не вышло. У Дианки были сильные руки. – Чего тебе тогда нужно?!

– Знать, где ты был. И все.

– И все?!

Он отшвырнул ее от себя. Грубо, неосторожно. Не будь таким тренированным ее тело, Диана ударилась бы головой о стену. Но она удержалась. И даже не обиделась. Просто смотрела на него пристально, вопросительно.

– А если я скажу, где я был минувшей ночью, ты отстанешь?

В груди его болело так, будто там образовался огромный нарыв. И ему хотелось, очень хотелось сейчас прижать ее к себе. Зарыться лицом в ее волосы и рассказать все-все-все.

Но ему ясно дали понять сегодня, что его девушка, та самая, что ждет сейчас от него откровений, под ударом! Ему надо защитить ее! Любым путем. Даже если придется сделать ей больно.

– Рома! – Диана побледнела. – Говори!

– Я был с женщиной, – соврал он, рассматривая ее с вызовом, который дался ему нелегко.

– А почему тогда ты не сказал о ней в полиции? Почему заставил меня врать? Как это... Давать заведомо ложные показания?

Ее голос висел на самой последней нотке перед истерикой. И он это чувствовал, и она тоже. Не дай бог ей сорваться, подумали оба. Она разревется и не простит. Он ослабит свою защиту и во всем сознается.

– Потому!

Он спрятал руки себе за спину, так ему было легче не давать им волю.

– Она... Она замужем??? – подсказала, слава богу, Дианка.

– Да. Ты угадала. – Он нервно улыбнулся, покрутил шейю, похрустев позвонками. – Она замужем. Я не имел права ее подставить.

– А меня подставил... – шумно выдохнула она. – Меня можно. Я никто.

В ее глазах застыли слезы. Она попятилась, потом резко развернулась и через минуту громко хлопнула входной дверью.

Вот и все... Вот и все... Ему ее больше не вернуть. Она не простит. Она не вернется. Ну и пусть! Так даже лучше!

Рома тяжело опустился на табуретку у стола, с тоской уставился на пожелтевший численник. Что же это за проклятие такое?! Отца не стало, и вместе с ним из дома ушла стабильная счастливая жизнь. Их обоих – и его, и мать – постоянно тянуло на самое дно. Она пила, он...

Он встал и медленно пошел по комнатам. Трогал вещи, переставлял в гостиной на открытых полках с места на место рамки с фотографиями. Везде они втроем. Мать, отец и он. После его исчезновения они больше не фотографировались вместе. Никогда! Одна фотография неожиданно привлекла его внимание. На ней отец обедал с кем-то, сидевшим спиной к объективу фотокамеры. Обедал в своем любимом ресторанчике на окраине города. Утверждал, что там и готовят

сносно, и дышится легко. Перед исчезновением он тоже там обедал. Пообедал и исчез.

Что за мужик? Рома всмотрелся в широкую мощную спину, седой затылок. Он мог поклясться, что ни разу не видел этого человека у них в доме. А деловые партнеры отца их часто навещали. Они не были такими уж крутыми бизнесменами, разъезжающими на дорогих машинах с личными шоферами. Но не бедствовали – это раз. И не пылили средствами – два. Это отец так всегда говорил. И еще утверждал, что люди, иногда заходившие к ним в гости, весьма авторитетны.

Куда они все подевались, интересно? Почему Рома их ни разу не видел с тринадцатого августа? А этого вот широкоплечего с мощной спиной и седым затылком и до этого не видел ни разу.

Может, это как раз тот, о ком сегодня говорил его покровитель?!

Подумав, он вытащил фотографию из рамки и сунул ее себе в задний карман штанов. Он знал, где этот ресторанчик находился. Отца там наверняка помнили. Не могли не помнить. Он там почти каждый день обедал. И с авторитетными людьми встречался. Он поедет сейчас туда. Может, кто-то что-то помнит? Хотя бы, может, вспомнят этого мужика с седым затылком? Если вспомнят, Рома его найдет, навяжет ему личную встречу и задаст вопросы, которые в течение пяти лет задавал только себе.

Он переоделся в другие джинсы, теплый джемпер под гор-

ло и на всякий случай прихватил ветровку. Дело к вечеру, солнце давно нырнуло за их многоэтажку, и их негостеприимный двор тут же накрыло отвратительно ледяными сумерками.

Проходя мимо соседнего подъезда, он привычно поднял глаза на ее окна. Одно – в ее комнате – тускло светилось. Горел ночник на ее письменном столе, он точно знал, потому что видел прежде, когда еще был вхож в их дом. Ночник был стареньким, стеклянным, под треснувшим абажуром. И Дианка всегда хитрила, разворачивая его трещиной к стене. Что она сейчас делает, интересно? Плачет от обиды на него, свернувшись на своем широком диване, застеленном шикарным вязаным пледом – подарком ее бабки? Или сидит в Сети, заводя новых друзей? А может, трещит с какой-нибудь подружкой по телефону, рассказывая, какой он скот?

Интересно, где ее мать? Почему она вдруг позволила прибежать Диане к нему по первому зову? Насколько Роме было известно, мать запрещала дочери с ним общаться. После того памятного лета, когда он, когда его...

А, неважно. Мать ей запрещала. И с ним не здоровалась, если сталкивалась во дворе. Как же она позволила прийти ему на помощь?

Рома завернул за угол, поймав последние лучи солнца, удравшие с их серого двора. Здесь, на бульваре, они все еще блуждали по окнам и витринам. Касались нежной поросли на клумбах, обещали зазеленевшим деревьям скорую жа-

ру. Прогуливающих было немного. Завтра рабочий день. И не факт, что ресторанчик на окраине работает. Мог закрыться сразу после ленча, так бывало. Но он все равно поймал такси и поехал.

Он долгие годы надеялся, что его отец просто сбежал. Ему проще было считать его мерзавцем, чем мертвым. Теперь он знал, что отца где-то похоронили. Под каким-то камнем. В безымянной могиле. И об этом знал еще кто-то. Тот, кому звонила мать. И напонила. И расшевелила задремавшую змею. И ее убили.

Пора было начать задавать вопросы...

Глава 5

Артем вернулся домой только в восемь. Наталья старательно улыбалась, встречая его у двери. Не возмутилась, что долго. Не спросила, почему от него разит спиртным. Попыталась накормить его ужином, он отказался. Сослалась на головную боль и тут же легла спать. Ни упреков, ни скандалов, ни слез. Упрекнуть не в чем...

Они с Лехой в самом деле загулялись. После «стекляшки» съездили в отдел. Но, как оказалось, опоздали. Уже все случилось. Парня уже допросили и отпустили.

– А что так? Не нашли, к чему придраться? – со смешком спросил Леха коллег, которые сто раз пожалели, что не успели разъехаться по домам до их визита.

Потому что Зотов Алексей Сергеевич, явившийся под градусом, тут же принялся ядовито скалиться и искать проколы в их работе. А они еще толком и не договорились, о чем следует умолчать.

– Вот не поверю, хоть убей! Что стряслось-то, парни? Признавайтесь!

Оказалось, что? Парень оказался не так прост, как могло показаться на первый взгляд. И не так одинок, как сто процентов им обоим показалось на месте происшествия. Кто-то, то ли друг, то ли родственник, прислал к нему адвоката. Да какого!

– Рабочий час господина Арбузова знаешь сколько стоит? – ужаснулся Леха, услышав подробности. – Лучше тебе, Тёма, не знать.

Но все равно озвучил гонорары известного в городе адвоката, который практически не проиграл ни одного судебного процесса. Артем был озадачен. Не тем, что кто-то вызвался помочь парню. А тем, за что такие преференции, простите?

И алиби у парня обнаружилось вдруг.

– С девушкой он был со своей, – нехотя признался один из ребят, шумно двигая ящиками стола, громыхая ключами от сейфа, сборы были в самом разгаре. – Девушка из соседнего подъезда.

И Артем тут же вспомнил высокую стройную блондинку, стремительно метнувшуюся от своей подъездной двери к соседней, когда они с Лехой выезжали со двора.

– Как кстати! – ухмылялся Леха. – У парня лавстори с соседкой, мамку кто-то накачивает снотворным и пристраивает в петлю... Я ничего не перепутал, Шарик упоминал о снотворном, не о наркотиках?

– Снотворное, – подтвердили коллеги. – Доза приличная, запросто могла и не проснуться после стольких лет запоя. Могла и с петлей не суетиться.

– Все еще считаете, что это она сама?

Леха недоверчиво выкатывал нижнюю губу и мотал головой, заросшей волосами цвета прелой соломы.

– Перебор, ребятки. Наглotalась снотворного, потом

в петлю полезла! А чего попутно себе вены не вскрыла, чтобы уж наверняка? Не-е-ет, ребятки, думаю, кто-то утомил нашу дамочку. А что касается снотворного... Могла и сама принять. После такого долголетнего запоя наверняка сна не было...

Из отдела друзья вдруг решили посетить Лехин гараж. Зачем? А черт его знает! Что там интересного было, в этом металлическом пенале, заваленном всяким барахлом, с которым друг не решался расстаться годами, и странно пропахшем соляркой? А ничего. Но Леха называл этот металлический ящик личным пространством, очень его любил и, когда ему бывало плохо, всегда сбегал сюда, если не было возможности удрать на рыбалку.

– Заходи, друг! – гостеприимно распахнул Леха металлические двери.

И Артем удивленно присвистнул. В гараже был наведен идеальный порядок. Исчезли горы коробок, забитых барахлом. Ящики, о которые он вечно сбивал себе колени, тоже куда-то подевались. Стеллажи, которых раньше он и не замечал за мусором, были аккуратно застелены пленкой. И то, что на них стояло, стояло в строго геометрическом порядке.

– Сам?! – первым делом спросил Артем и тут же недоверчиво покачал головой. – Не поверю!

– И правильно. Конечно, не сам. Мне вечно некогда. Попросил кое-кого. Человек не работает. Днями тут торчит, машину свою выгонит и полирует. И снова загоняет. Я и по-

просил. Вот теперь у нас с тобой, друже, есть апартаменты. И тут нас с тобой никто и никогда...

Тут он погорячился. Маринка явилась уже через час. Они едва успели выпить по сто пятьдесят отличного, к слову, виски, когда ее громоздкий силуэт в Лехиной старой куртке заполнил дверной проем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.